

Глава 1

ГИБЕЛЬ ИНСТИТУТА ВАРГИ, ИЛИ ПОЧЕМУ БЫЛ ЗАКРЫТ ИНСТИТУТ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ (1947 ГОД)

Сталин и Варга

Восемнадцатого сентября 1947 г. было принято решение Политбюро ЦК ВКП(б) «Об Институте экономики и Институте мирового хозяйства и мировой политики Академии наук СССР». Вот текст этого решения, хранящийся, наряду с другими материалами сталинского Политбюро, в Российском государственном архиве социально-политической истории — РГАСПИ (бывший Центральный партийный архив ЦК КПСС):

«<...> Объединить Институт экономики и Институт мирового хозяйства и мировой политики в единый Институт экономики, оставив его в системе Академии наук СССР.

1. Научно-организационное руководство Институтом возложить на Госплан СССР.
2. Утвердить директором Института экономики тов. Островитянова К.В.
3. Утвердить заместителями директора Института экономики:
 - а) по общим вопросам — тов. Козлова Г.А.,
 - б) по вопросам советской экономики — тов. Дьяченко В.П.,
 - в) по вопросам экономики капиталистических стран — тов. Масленникова В.А.
4. Сохранить за т. Варга Е.С. научную консультацию сотрудников Института по вопросам экономики зарубежных стран и редактирование журнала «Мировое хозяйство и мировая политика»¹.

Протокол № 59 заседания Политбюро подписан секретарем ЦК ВКП(б) И. Сталиным.

В соответствии с тогдашними правилами решение Политбюро было «спущено» для надлежащего оформления и исполнения в Совет Министров и Академию наук СССР. В результате в декабрьском номере «Вестника Академии

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее везде: РГАСПИ. — П.Ч.). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1066. Л. 48.

наук СССР» за 1947 г. появилась информация следующего содержания: «Согласно Постановлению Совета Министров СССР, Институт экономики и Институт мирового хозяйства и мировой политики объединяются в единый Институт экономики в системе Академии Наук СССР под научным руководством Госплана СССР. Директором объединенного института назначен член-корреспондент АН СССР К.В. Островитянов»¹.

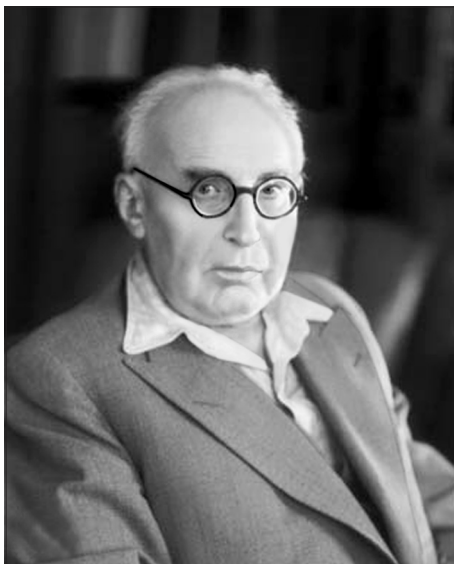
Внешне все выглядело вполне благопристойно, как рутинная реорганизация двух академических институтов, переданных под «научно-организационное руководство» Председателя Госплана СССР, члена Политбюро ЦК ВКП(б) Н.А. Вознесенского. За бывшим директором ИМХМП академиком Е.С. Варгой оставили возможность «консультировать» своих коллег по вопросам экономики зарубежных стран и даже руководить журналом «Мировое хозяйство и мировая политика». Правда, сам журнал просуществовал лишь до января 1949 г., когда был закрыт по решению того же Политбюро. Что же касается большей части научных сотрудников бывшего ИМХМП, то после объединения двух институтов они остались без работы, а некоторые, о чем речь впереди, были репрессированы.

Если сопоставить закрытие ИМХМП с развернувшейся одновременно в печати кампанией по дискредитации его бывшего руководства и последних публикаций Института, то возникает закономерный вопрос о причинах неожиданной опалы Е.С. Варги и руководимого им Института, до того всегда бывших на хорошем счету у И.В. Сталина.

Образованный в 1925 г. при Коммунистической академии Институт мирового хозяйства и мировой политики во главе с его первым директором Ф.А. Ротштейном призван был стать научным центром, где формируются научно обоснованные подходы к внешнеэкономическим и внешнеполитическим отношениям СССР с другими странами. Налаживание и расширение связей СССР с внешним миром после прорыва в 1924 г. дипломатической изоляции ставило перед высшим советским руководством сложный комплекс вопросов — как сочетать развитие мирового революционного процесса с насущными задачами выживания «страны победившего пролетариата» во враждебном окружении. На ИМХМП была возложена ответственная миссия по оказанию помощи ЦК ВКП(б) в теоретической разработке стоящих перед СССР задач в области международной деятельности. С самого начала своего существования ИМХМП действовал в тесном контакте не только с ЦК ВКП(б), но и с Коминтерном, откуда в декабре 1927 г. в Институт пришел Евгений Самуилович Варга, сменивший Ф.А. Ротштейна на посту директора ИМХМП.

Венгерский политэмигрант, с 1906 г. участвовавший в рабочем движении в рядах левых социал-демократов, Варга был видным экономистом, профессором политэкономии в Будапештском университете. В 1919 г. он примкнул к коммунистам и занял пост наркома финансов, а затем председателя ВСНХ Венгерской советской республики. После поражения революции в Венгрии Варга в 1920 г. переехал в Москву, где вступил в РКП(б) и энергично включил-

¹ Вестник Академии Наук СССР, 1947, № 12. С. 103.

Академик Евгений Самуилович Варга, директор Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР в 1927—1947 гг.

ся в работу Коминтерна. Он избирался кандидатом в члены Исполкома Коминтерна, был участником многих его конгрессов, на которых выступал с докладами. Его знал и ценил В.И. Ленин.

Через совместную работу в Коминтерне с Е.С. Варгой познакомился и И.В. Сталин, оценивший его ум, широкую эрудицию и качества выдающегося экономиста-международника. В 20-е годы Сталин иной раз вступал в полемику с Варгой по теоретическим вопросам «пролетарской революции», но делал это в несвойственной ему вежливой, даже уважительной манере¹.

Вот что вспоминал в предсмертных записках о своих отношениях со Сталиным сам Варга:

«Мне часто приходилось встречаться с ним; он регулярно обращался ко мне за фактами и оценками положения, когда занимался вопросами мировой экономики, обычно перед тем, как ему предстояло выступить на партийных съездах и конференциях.

Он был всегда вежлив со мной. Если он приходил на заседания ИККИ (Исполком Коминтерна. — П.Ч.) раньше, чем я, и я здоровался с ним, он всегда поднимался, чтобы подать мне руку. Если я ему звонил, чтобы попросить об аудиенции, то между нами почти всегда происходил такой разговор:

Он: Когда Вы хотите прийти ко мне?

¹ См., например, речь И.В. Сталина 5 июля 1928 г. на пленуме ЦК ВКП(б) о программе Коминтерна, где он полемизирует с Е.С. Варгой // Коминтерн и идеи мировой революции. Документы. / Отв. ред. Я.С. Драбкин. М., 1998. С. 666 — 667.

Я: Когда у Вас будет для меня свободное время.

Он: Ну, хорошо, приходите тогда-то и тогда-то.

Никогда мне не приходилось в назначенное время ожидать в приемной»¹.

По всей видимости, именно Сталин инициировал назначение Варги директором ИМХМП, в деятельности которого с конца 20-х годов важное место занимало выполнение личных заданий вождя, передававшихся непосредственно Е.С. Варге. Но чаще директор ИМХМП сам направлял Сталину инициативные записки по тем или иным вопросам текущей международной жизни. В составлении этих записок участвовали и другие сотрудники Института.

Доверие Сталина к Варге особенно возросло после того, как последний в октябре 1929 г., вопреки мнению большинства экономистов, верно оценил обвал на нью-йоркской бирже как начало самого глубокого в истории капитализма экономического кризиса, а затем, в 1933 г., опять же, вопреки мнению большинства коминтерновцев, предсказывавших скорый полный крах капитализма, убедил Сталина в обратном — кризис идет на убыль, и Запад вступает в период экономической депрессии.

Вот что вспоминал об этом эпизоде ветеран ИМХМП Вениамин Израилевич Каплан:

«В конце 1933 г. Е.С. Варгу вызвал Сталин и предложил ему подготовить материал для его доклада на XVII съезде партии, в котором значительное место предполагалось уделить анализу экономического положения в капиталистическом мире, в частности в США. Е.С. Варга спросил: какой материал готовить, такой, который подтвердит мнение руководящих работников Коминтерна, или такой, в котором будет отражено истинное положение. Сталин сказал, что мнение Коминтерна он знает и что не для подтверждения этого мнения он вызвал Е.С. Варгу.

После этого Е.С. Варга с помощью нескольких сотрудников Института в срочном порядке подготовил подробную записку, в которой убедительно было доказано, что кризис заканчивается»².

Сталин использовал записку Варги в своем докладе на XVII съезде ВКП(б). А вот что рассказывал об этом случае сам Е.С. Варга, выступая на собрании сотрудников ИМХМП в декабре 1939 г., посвященном 60-летию Сталина:

«За несколько месяцев перед XVII съездом, — говорил он, — мне было предложено подготовить для товарища Сталина записку с анализом мирового экономического кризиса. После того как записка была представлена, това-

¹ «Вскрыть через 25 лет». (Предсмертные записки Е.С. Варги) // Политические исследования, 1991, № 3. С. 156.

² Каплан В.И. Указ соч. С. 34 — 35.

риц Сталин вызвал меня и сказал: «Я согласен с Вашим анализом, но в свое время смогу остановиться на этих вопросах только очень коротко. Поэтому следовало бы Вам на основе записки выпустить книгу с тем, чтобы более подробно познакомить партийные кадры с положением дел». На это я ответил товарищу Сталину: «Я готов это сделать, но моя точка зрения о ходе кризиса расходится с тем, что пишут у нас в печати. Меня или не напечатают, или, если напечатают, будут ругать. Не могли бы Вы, товарищ Сталин, предпослать книге какое-то предисловие, какую-то рекомендацию? В ответ товарищ Сталин пошутил: «Вы хотите, чтобы меня ругали вместе с Вами»¹.

Называя Сталина в своих предсмертных записках «восточным деспотом», загубившим огромное число коммунистов, Варга тем не менее не разделял бытовавшего при Хрущеве мнения о безграмотности покойного диктатора и беспардонной эксплуатации им чужого интеллекта.

«Я знаю наверное — что он хорошо знал «Капитал» Маркса и труды классиков, что он много читал и вообще был весьма образованным человеком, — вспоминал Варга. — Позднее при режиме Хрущева распространялась ложь, будто бы Сталин поручал писать свои труды другим; достаточно взглянуть на стиль его докладов и некоторых его писем, чтобы понять, что они написаны одним и тем же человеком.

Когда он (Сталин. — П.Ч.) заимствовал какие-нибудь сведения у других, — продолжает Варга, — он открыто говорил об этом. На XVI партсъезде он сказал, что уточнение официальных данных о распределении доходов в некоторых капиталистических странах было произведено мною. Перед XVII партсъездом (1934) я составил для него подробный обзор экономического положения капиталистических стран, при этом я — в противоречии с мнением тогдашнего руководства Коминтерна — отстаивал точку зрения о том, что большой экономический кризис заканчивается и предстоит длительная депрессия. Сталин распорядился, чтобы моя работа была напечатана, ее раздали всем участникам съезда перед его докладом. Неверно, что Сталин не терпел никаких возражений. Он спокойно выслушивал иные мнения — таков мой опыт. О том же говорил Литвинов»².

Поддерживая с Е.С. Варгой контакты на личной основе, Сталин не упускал из виду и основные направления работы ИМХМП. Еще в 1931 г. ЦК ВКП(б) принял санкционированное генсеком специальное решение, в соответствии с которым Институт Варги должен был стать центром исследований и разработок в области мировых экономических и политических проблем. ЦК поручил ИМХМП сосредоточиться на изучении следующих вопросов³:

¹ Цит. по: Певзнер Я. Жизнь и труды Е.С. Варги в свете современности. С. 23.

² «Вскрыть через 25 лет». (Предсмертные записки Е.С. Варги). С. 155 — 156.

³ См.: Каплан В.И. Указ соч. С. 64.

- общие проблемы империализма и мирового экономического кризиса;
- положение и проблемы рабочего класса и рабочего движения в капиталистических странах;
- международные империалистические противоречия, подготовка войны и интервенции против СССР;
- колониальные проблемы и колониальные революции;
- аграрные отношения и аграрные проблемы в капиталистических странах;
- мировая промышленность и меры СССР по овладению опытом передовой капиталистической техники;
- международный рынок и внешняя торговля СССР.

В соответствии с решением ЦК ВКП(б) Институту была оказана соответствующая материальная поддержка, в частности в обеспечении его иностранной специальной литературой, статистическими изданиями и периодикой. Значительно возрос численный состав ИМХМП. Если в 1929 г. он составлял 31 человек, то в 1933 г. в Институте работали уже 192 человека, включая технический персонал ¹.

С конца 20-х годов деятельность ИМХМП осуществляется по двум каналам — открытому и закрытому. Открытые разработки Института были представлены в выпускаемых его сотрудниками монографиях, брошюрах и статистических обзорах, а также на страницах ежемесячного журнала «Мировое хозяйство и мировая политика» и «Ежегодника мирового хозяйства и мировой политики».

Варга организовал в Институте систематическое наблюдение (мониторинг) за экономическим положением капиталистических стран, за конъюнктурой рынков. Результаты этих наблюдений регулярно публиковались, привлекая к себе внимание специалистов и деловых кругов.

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. побудил Варгу развернуть в ИМХМП широкие исследования по теории и истории экономических циклов и кризисов. В этих исследованиях, которыми, помимо самого Е.С. Варги, руководили будущий академик И.А. Трахтенберг, будущий член-корреспондент АН СССР Р.С. Левина и доктор экономических наук Л.А. Мендельсон, была занята едва ли не половина всех научных сотрудников Института.

Столь пристальное внимание к этой проблематике станет понятно, если вспомнить, что в соответствии с тогдашними идеологическими постулатами социальные революции рождаются из экономических кризисов; следовательно, необходимо постоянно «держат руку на пульсе» загнивающей капиталистической экономики, внимательно следя за экономической конъюнктурой в «странах капитала», а одновременно — осваивать исторический опыт, т.е. изучать теорию и историю экономических циклов и кризисов, по крайней мере с середины XIX в.

Материалы закрытого («служебного» и «секретного») характера рассылались руководством ИМХМП «в инстанции» — в ЦК ВКП(б), Совнарком, Исполком и Секретариат Коминтерна, Наркоминдел, Наркомвнешторг и др.

¹ См.: Каплан В.И. Указ соч. С. 66.

Постоянными заказчиками и адресатами Института Варги были И.В. Сталин, В.М. Молотов, М.М. Литвинов (до 1939 г.), А.И. Микоян, другие высшие советские руководители. В отчетных докладах, с которыми Сталин выступал на XV—XVIII съездах ВКП(б), он неизменно опирался на материалы, полученные им из Института Варги.

Занимаясь изучением экономической и политической ситуации в странах, относившихся к «враждебному капиталистическому окружению», ИМХМП, где наряду с советскими гражданами работали иностранцы-политэмигранты, не мог не привлекать к себе пристального внимания со стороны внешней разведки ОГПУ—НКВД и Разведывательных управлений РККА и ВМФ (позднее — ГРУ). Эти ведомства не только были постоянными получателями интересующей их научной продукции ИМХМП, но нередко подбирали себе там перспективных сотрудников (как правило, хорошо знающих иностранные языки) для работы в зарубежных резидентурах и в центральном аппарате разведки. Так, например, в конце 30-х годов по окончании аспирантуры из Института во внешнюю разведку перешел Р.И. Столпер, который станет там одним из кураторов знаменитой «кембриджской пятерки», в частности Д. Маклэйна. В это же время в военно-морскую разведку ушел талантливый молодой японист Я.А. Певзнер, направленный от Разведупра ВМФ на работу в Китай. В 1945 г. он вернется в ИМХМП и вскоре вырастет в крупнейшего специалиста по экономике Японии.

Не были исключительными и случаи направления в ИМХМП «для передышки» оперативных сотрудников разведки, включая возвращавшихся из-за границы нелегалов (впоследствии их будут называть офицерами «действующего резерва»). Забегая вперед, можно отметить, что не менее энергично, но уже в поисках «шпионов», «контрреволюционеров», «троцкистов» и прочих «врагов народа» действовала в ИМХМП и контрразведка НКВД.

Под руководством Е.С. Варги ИМХМП приобретал растущий авторитет не только в СССР, но и за рубежом. Экономические разработки ИМХМП выгодно отличались от примитивно-пропагандистских оценок, дававшихся на страницах подавляющего большинства советских партийных изданий. К ним проявляли интерес и в деловых кругах западных стран. «Мы внимательно следим за статьями Варги — в них содержится более компетентный анализ экономической конъюнктуры западных стран, чем тот, с которым выступают наши экономисты», — говорили американские бизнесмены А.А. Манукяну, работавшему в 30-е годы в США в Амторге¹.

Искреннее желание познать внешний мир, пусть и через призму марксистской методологии, научная смелость, не выходявшая, впрочем, за установленные идеологические рамки, не раз навлекали на Варгу и его сотрудников крупные неприятности, в частности обвинения в ревизионизме и даже в контрреволюции и шпионаже.

ИМХМП принес свою дань Молоху Большого террора, жертвами которого стали многие научные сотрудники — ученый секретарь Института Мильграм,

¹ Цит. по: Певзнер Я. Жизнь и труды Е.С. Варги в свете современности. С. 19.

ответственный секретарь журнала «Мировое хозяйство и мировая политика» Иоэльсон, И. Лапинский, А. Канторович, Я. Бремман, О. Тарханов, Г. Сафаров, Е. Громов, П. Миф. Были репрессированы и работавшие в Институте немецкие коммунисты, бежавшие от гестапо — Корн, Немо и др.

Сейчас трудно с определенностью сказать, понимал ли тогда Варга, что Большой террор инициирован именно Сталиным, а не Ягодой или Ежовым. Скорее всего, понимание пришло позднее. Иначе он не стал бы апеллировать к Сталину с призывом положить конец репрессиям хотя бы в отношении иностранных коммунистов. А именно эту самоубийственную попытку он принял в марте 1938 г., когда тучи сгустились над его собственной головой. По его позднейшим признаниям, в 1938 г. он ожидал ареста, зная, что «в органах» на него скопились многочисленные доносы.

И вот в это самое время, 28 марта 1938 г., под грифом «Строго секретно» Варга пишет Сталину письмо, озаглавленное им «Проблема нелегальных партий и массовые аресты». Это письмо, копии которого Варга направил Г. Димитрову и Н.И. Ежову, сохранилось в личном фонде И.В. Сталина в РГАСПИ¹.

Варга обращает внимание Сталина на разгул ксенофобии и националистические тенденции во внутренней политике, сопровождающиеся массовыми арестами иностранных коммунистов-политэмигрантов. «Вместо правильного сочетания советского патриотизма и интернационализма, — пишет Варга, — все более выигрывает почву односторонний ограниченный национализм. Ненависть к иностранцам свирепствует. Иностранцы без разбора рассматриваются как шпионы».

Обращая внимание Сталина на нарастание военной угрозы со стороны нацистской Германии и ее союзников, Варга подчеркивает: «Меня беспокоит прежде всего один политический вопрос: процесс быстрого истощения и деморализации кадров коммунистических партий фашистских стран, на долю которых в предстоящей войне должна бы пасть очень крупная роль. <...> Эта деморализованность охватывает большинство работников Коминтерна и простирается вплоть до отдельных членов Секретариата ИККИ».

Остается неизвестным, ответил ли Сталин на дерзкое по своему содержанию письмо Варги. Архивы по этому поводу хранят молчание. Но Варга не только сохранил жизнь и свободу, но, что самое удивительное, даже не утратил расположение непредсказуемого вождя, продолжавшего казнить и милловать исключительно по собственному разумению.

Спустя несколько месяцев после описанной истории с письмом Сталин доверил Варге редактирование немецкого перевода «Краткого курса истории ВКП(б)». Это была высокая честь, учитывая, что авторство «Краткого курса» приписывалось самому вождю. 4 декабря 1938 г. Варга направил Сталину свои замечания и уточнения² к немецкому переводу сталинского «евангелия», став-

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 716. Л. 18-21.

² Архив Российской академии наук (далее: Архив РАН. — П.Ч.). Ф. 1513. Оп. 1. Д. 198. Л. 15.

шего обязательным для изучения не только советскими, но и всеми иностранными коммунистами.

А 1 февраля 1939 г. Варга получает от Сталина новое личное поручение:

Дорогой товарищ Варга!

Очень прошу Вас внимательно просмотреть эту книгу (речь идет о присланной им рукописи — «Краткий курс Политической экономии». — П.Ч.) и дать свои замечания, поправки, дополнения. Желательно закончить это дело в 10-дневный срок.

Привет!

И. Сталин¹.

В установленный срок Варга представил свои замечания и дополнения, после чего Сталин разрешил публиковать книгу с учетом сделанных Варгой и им самим поправок.

Неоднократно Варга и сам просил Сталина разъяснить ему те или иные вопросы. Вот, например, текст письма Варги от 13 апреля 1939 г.:

Уважаемый товарищ Сталин!

Я должен делать доклад в Академии Наук о трудной теме — Задачи наук в разрешении проблемы догнать и перегнать. Я очень просил бы принять меня на 10 минут и дать мне указание, правильно ли я поставил вопрос или нет: я советскую экономику гораздо хуже знаю, чем капиталистическую.

С комприветом

Ваш Е. Варга².

Как правило, Сталин находил время для Варги, который постоянно консультировал его по текущим вопросам экономического развития капиталистического мира. С одобрения Сталина на Общем собрании Академии наук СССР в 1939 г. Е.С. Варга был избран ее действительным членом.

С началом Второй мировой войны все внимание Е.С. Варги и руководимого им Института было приковано к развитию политической и экономической ситуации в Европе и на Дальнем Востоке. После капитуляции Франции летом 1940 г. Варга выступил инициатором пересмотра устоявшихся в Коминтерне и на страницах советской печати оценок о доминировании англо-американских противоречий в системе межимпериалистических отношений. Признание США потенциальным союзником Англии означало и принятие возможности в перспективе совместного выступления этих двух стран против держав «оси». Свои соображения, как обычно, Варга направил

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 716. Л. 22.

² Там же. Л. 24.

Сталину и вскоре получил из Кремля благосклонный ответ. Привожу его полный текст:

Тов. Варга!

Ваше толкование совершенно правильно. Мысль о том, что англо-американские противоречия являются основными в области международных отношений, относится к тому периоду, когда Германия, поверженная в прах и обескровленная после поражения в первой империалистической войне, не могла быть принята в расчет как конкретная сила против Англии или Америки. В этот период на арене остались две главные силы — США и Англия, противоречия между которыми являлись ввиду этого основным фактором международного положения.

Дело, однако, изменилось в корне после того, как Германия разбила Францию и получила в свои руки почти все ресурсы европейского континента, а Англия лишилась Франции. Теперь блок Германии, Италии и Японии угрожает не только Англии, но и США. Ввиду этого блок между Англией и США против германо-итало-японского блока представляет естественный результат такого оборота международных дел.

С комприветом

12.IX.40 г.

И. Сталин¹.

В условиях действия советско-германского пакта о ненападении от 23 августа 1939 г., «освященного» самим «вождем мирового пролетариата», Варга и его Институт не могли, разумеется, подвергать сомнению правильность сталинского внешнеполитического курса. Но внимательное наблюдение за развитием событий на европейском театре военных действий давало аналитикам ИМХМП материал о значительном наращивании военно-экономического потенциала нацистской Германии, который в принципе мог быть повернут и против СССР. Не декларируя такой возможности, Е.С. Варга тем не менее счел необходимым проинформировать Сталина о значительном возрастании ресурсов Германии.

16 декабря 1940 г. Варга направляет Сталину соответствующий доклад с сопроводительным письмом следующего содержания:

Уважаемый товарищ Сталин!

Мне думается, что попытка оценки того, какие доходы получает Германия из оккупированных территорий (сделанная в нашем Институте т. Ганом), может иметь интерес для Вас. Цифры, конечно, далеко не точные.

С ком. приветом

Ваш Е. Варга².

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 716. Л. 26.

² Там же. Л. 28.

После нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. ИМХМП, многие сотрудники которого, несмотря на имевшуюся у них бронь, добровольно ушли на фронт, был эвакуирован в Ташкент. Сам Варга с небольшой оперативной группой обосновался в Куйбышеве (Самаре), куда были переведены все правительственные учреждения. После разгрома немцев под Москвой эта оперативная группа в начале 1942 г. вернулась в столицу, куда год спустя вернулся и основной состав ИМХМП.

С этого времени внимание Варги и его сотрудников все больше концентрируется на перспективах послевоенного развития. На это и были сориентированы лучшие интеллектуальные силы Института. Сам Варга постепенно склонялся к мысли о том, что после окончания Второй мировой войны капитализм ожидают кризисы, характерные для межвоенного периода.

Вернувшись в Москву, Варга восстановил контакт со Сталиным, которому продолжал направлять свои оценки и прогнозы. Редактируя по заданию Сталина готовившееся новое издание «Краткого курса Политической экономики», Варга предложил включить в книгу хотя бы небольшой раздел под названием «Военный капитализм» или «Капиталистическое хозяйство в условиях войны»¹.

Впрочем, он не ограничивался только научно-аналитическими записками, а иной раз позволял себе привлекать внимание Сталина и к более прозаическим вещам, которые казались ему, как советскому гражданину и патриоту, принципиально важными. Вот пример одного из таких обращений, датированный 14 октября 1942 г.:

Уважаемый товарищ Сталин!

Последнее время у булочных в Москве нередко красноармейцы (или, в лучшем случае, люди в красноармейской форме) просят хлеба. Народ дает им хлеб, но вместе с тем очень встревожен и спрашивают друг друга, неужели для красноармейцев не хватает хлеба? Из этого может получиться антисоветская агитация.

С ком. приветом

Ваш Е. Варга².

Как прореагировал Верховный Главнокомандующий на тревожный сигнал академика Варги, осталось неизвестно...

Занимаясь текущими делами и размышляя над вопросами послевоенного экономического развития, Варга менее всего ожидал, что в самый разгар войны, находясь в глубоком тылу, он может оказаться на волосок от гибели. Между тем весной 1943 г. его жизнь действительно оказалась под смертельной угрозой.

¹ См. письмо Е.С. Варги — И.В. Сталину от 7 февраля 1944 г. // Архив РАН. Ф. 1513. Оп. 1. Д. 198. Л. 16

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 716. Л. 45.

Инцидент, происшедший тогда с академиком Е.С. Варгой, нашел отражение как в сохранившихся архивных документах, так и в предсмертных воспоминаниях самого Варги. Он настолько важен для понимания отношения Сталина к Варге, что есть смысл рассказать о нем подробно, опираясь на имеющиеся документы.

Предоставим слово самому Евгению Самуиловичу.

«Сталин обрек на смерть десятки тысяч лучших русских и иностранных коммунистов, — писал Варга в начале 60-х годов незадолго до смерти, — но лично меня он дважды спас: в 1938 г., когда ГПУ хотело меня арестовать на основании многочисленных ложных доносов, и в 1943 г., когда негодяй Вышинский обвинил меня в защите гитлеровского империализма. Почему Сталин сделал это? Не знаю! Может быть, думал, что я ему еще понадоблюсь...

Я хочу здесь остановиться на печальном эпизоде с Вышинским: он характерен для тех лет.

Во время войны настойчиво внушалось, особенно Эренбургом, что страшные злодеяния, которые творили немцы в отношении евреев, восточных военнопленных и населения оккупированных областей (грабежи, массовые убийства, рабский труд и т.д.) объясняются проявлением национального характера немцев.

Это, разумеется, антимарксистский взгляд.

Я выступил на собрании академиков в Свердловске с докладом «Исторические корни особенностей германского империализма», в котором заявил, что эти особенности должны быть объяснены исторически, и пытался дать им марксистский анализ. Вероятно, такого рода попытка была психологически преждевременной»¹.

Здесь мы прервем его рассказ для необходимых пояснений.

В упомянутом докладе на общем собрании Отделения экономики, философии и права, состоявшемся в марте 1943 г. в Свердловске, в присутствии академика А.Я. Вышинского, первого заместителя наркома иностранных дел СССР, Е.С. Варга позволил себе напомнить о революционных традициях германского рабочего класса, которые в будущем, по его убеждению, непременно дадут о себе знать.

Это вызвало бурную реакцию со стороны бывшего Генерального прокурора СССР. Вышинский не ограничился на академическом собрании грубой бранью по адресу «пособника германского фашизма» Варги, но поспешил отправить на него донос Сталину и Молотову². Одновременно по инициативе тогдашнего начальника Главного политического управления Красной Армии А.С. Щербакова в печати началась яростная пропагандистская кампания против Варги. Его клеймили в газетах, подвергали проработкам в ЦК, в райкоме

¹ «Вскрыть через 25 лет». (Предсмертные записки Е.С. Варги). С. 156.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 716. Л. 49.

партии по месту работы и, что более всего ранило пожилого ученого, в стенах родного Института.

Из воспоминаний Е.С. Варги:

«Вышинский, который в то время был одним из заместителей Сталина¹ и уполномоченным правительства в Академии наук, пытался воспользоваться этим, чтобы отправить меня на виселицу. Он заявил, что я «защищал» гитлеровский империализм. Все было приведено в движение против меня: секретариат ЦК, парторганизация Института.

Разбирательство в институтской парторганизации представляло собой страшную картину. Как марионетки вставляли все члены партии (в том числе мои лучшие грузы, которые были согласны со мной), чтобы осудить мой доклад и меня самого. Единогласно было принято осуждающее меня решение...

Еще страшнее выглядело разбирательство в Секретариате ЦК. Я венгр, венгерские войска вместе с немцами воевали под Воронежем. Обвинение в «защите гитлеровского империализма» было почти равносильно государственной измене. Обвинителем выступал Александров, тогда заведующий отделом пропаганды ЦК. Он был помощником академика Иванова — отъявленного негодяя, которого Вышинский прочил на мое место директора Института. Александров имел наглость утверждать, что Институт заповили немцы и венгры, что немецкий язык стал «государственным языком» (поскольку я с немецкими товарищами разговаривал по-немецки, ведь это мой второй родной язык); выдвигались и другие столь же вздорные обвинения. Когда мне дали слово, я спросил «ведущего дело» секретаря ЦК, читал ли он мой доклад. Он ответил: «К чему мне его читать, раз все приняли его в штыки». Мне сказал это Щербаков, откормленная свинья с маленькими злобными глазками, один из худших представителей самовластной бюрократии. Решение было такое: я должен представить разъяснение в письменном виде, что я и сделал.

Я посоветовался с тов. Димитровым, и тот дал мне совет обратиться к Сталину: «он Вас знает». Я сделал это крайне неохотно: страна вела войну не на жизнь, а на смерть. Сталин был высшим военным и гражданским руководителем. Как я мог затруднять его моими маленькими личными делами? Когда ему было найти время для чтения моего доклада? И все-таки я послал ему мой доклад с кратким описанием моего положения»².

Здесь мы опять прервем Е.С. Варгу, чтобы обратиться к архивным документам из личного фонда Сталина. Среди этих документов находится письмо академика Варги, датированное 13 апреля 1943 г.

¹ Здесь Е.С. Варга ошибся. В действительности А.Я. Вышинский был Первым заместителем В.М. Молотова в Наркоминделе. — П.Ч.

² «Вскрыть через 25 лет». (Предсмертные записки Е.С. Варги). С. 157

Титов. Доклад не такой.
Никого не обвиняю в О.
ураганов. 7. Варга все нахуе. /
Дорогой тов. СТАЛИН!
В. Молотов.
15/IV

Варга

46

Меня обвиняют в том, что у меня "пронемецкое настроение". Обвинение для советского человека очень тяжелое. Дело дошло до Секретариата ЦК.

Вы, дорогой тов. Сталин, всегда хорошо относились ко мне, ценили мою работу. Очень прошу Вас обратить внимание на это дело. Речь идет о жизни старого революционера! Я 36 лет в рабочем движении, 23 года член ВКП(б), никогда никаких отклонений или колебаний не имел. Мой единственный сын погиб на фронте отечественной войны. Если я попал бы в руки немцев они меня сейчас убили бы как известного революционера. На какой почве я в старости лет стал бы "пронемецким"?

Основа обвинения - стенограмма моего доклада в Свердловске четыре месяца тому назад. Я ее приложу. Доклад был нехорош. Я болел, не мог достаточно готовиться, чувствовал себя очень плохо в день доклада. В докладе есть политические ошибки, признаюсь. Я сказал вещи, которые хотя и правильные, но их в данный момент даже в узком кругу научных работников нельзя сказать, например о том, что другие колонизаторы истребляли туземное население Северной Америки; что поражение в первой мировой войне имело большое влияние на лицо гитлеровского этапа германского империализма и т.д.

Но нехороший доклад и отдельные политические ошибки, в которых я виноват, как мне кажется, - не тоже самое - что "пронемецкое", т.е. антисоветское, т.е. контрреволюционное настроение.

Из письма Е.С. Варги — И.В. Сталину:

Дорогой тов. Сталин!

Меня обвиняют в том, что у меня «пронемецкие настроения». Обвинение для советского человека очень тяжелое. Дело дошло до Секретариата ЦК.

Вы, дорогой тов. Сталин, всегда хорошо относились ко мне, ценили мою работу. Очень прошу Вас обратить внимание на это дело. Речь идет о жизни старого революционера! <...> Я очень прошу Вас просмотреть стенограмму. <...> От Вашего решения зависит моя судьба.

Преданный Вам

Е. Варга¹.

К письму была приложена официальная стенограмма академического заседания в Свердловске, где Варга выступил с «крамольным» докладом².

Сталин в это время был поглощен подготовкой операций в районе Курского выступа и на орловско-белгородско-харьковском направлениях; у него не было времени вникать в детали «свердловской истории». Поэтому он поручил разобраться с этим Молотову, который уже получил соответствующую записку-донос Вышинского.

По всей видимости, предварительное мнение Сталина на этот счет, как и его давнее отношение к Варге, было Молотову хорошо известно. Во всяком случае, ознакомившись со стенограммой заседания в Свердловске и с текстом доклада на нем Варги, Молотов 15 мая 1943 г. письменно высказал свое мнение Сталину: «*Читал. Доклад неплохой. Ничего неправильного в установке т. Варги не нахожу. В. Молотов*»³.

Через два дня Молотов передал Сталину донос Вышинского, сопроводив этот документ припиской: «*Прилагаю записку т. Вышинского по поводу доклада т. Варги. Кроме неудачных формулировок из-за слабого знания русского языка (но не по существу), ничего записка не добавляет. В. Молотов. 17/V*»⁴.

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 716. Л. 46 — 48.

² Текст стенограммы см.: Там же. Л. 50 — 68.

³ Там же. Л. 46.

⁴ Там же. Л. 49. Когда Молотов говорил о слабом знании Варгой русского языка, он не грешил против истины. Варга начал изучать русский язык лишь попав в Россию в 1920 г., уже в сорокалетнем возрасте, и до конца жизни не овладел им настолько, чтобы писать по-русски свои книги и статьи. Он писал их по-немецки, а потом отдавал для перевода своему личному референту-переводчику. Так, в конце 40-х — начале 50-х годов, эти функции выполнял при нем Д.Е. Меламид (Мельников), будущий крупный ученый-германист. Что же касается личной переписки и разговорной речи, то здесь Варга пользовался русским языком, когда его адресатами или собеседниками были русские. — П.Ч.

Как и Сталин, Молотов уважительно относился к Варге, часто пользуясь его советами и рекомендациями. Зато глава сталинской дипломатии не имел никаких оснований доверять своему первому заму — Вышинскому, в котором он чувствовал опасного соперника. Как известно, в 1949 г. Молотов вынужден будет уступить ему свое место. Так или иначе, но Молотов не видел для себя никакого резона подыгрывать Вышинскому в его интриге против Варги.

Итак, судьба Варги в очередной раз оказалась в руках Сталина. Из воспоминаний Е.С. Варги:

«Через 2—3 недели мне позвонил главный личный секретарь Сталина Поскребышев, сказал, что «хозяин» хочет со мной говорить, и соединил меня с ним. Сталин спросил, не изменил ли я что-нибудь в тексте доклада, я сказал, что нет, только в нем отсутствуют цитаты из Гитлера на немецком языке, которые не были застенографированы. Он сказал тогда: «Это хороший марксистский доклад! Кто вас обвинил?»

Что произошло дальше, я знаю только от Димитрова, который сказал, что Сталин пропесочил людей, которые меня оклеветали. А далее — унижительные последствия! Через несколько дней мне позвонил Александров, заявил, что мой доклад был не так уж плох (!), что я мог бы его опубликовать.

Что же касается подлой собаки Вышинского, то он имел бесстыдство говорить обо мне публично в Академии «мой друг Евгений Самуилович» и всячески расхваливать меня. А палач Щербаков предоставил мне право пользоваться автомобилем из гаража ЦК (все автомобили Академии были тогда реквизированы для армии).

Впрочем, высшая бюрократия ЦК не забыла пережитого из-за меня унижения...»¹.

Но об этом речь впереди.

В 1943 г. Сталин не только не отдал Варгу на съедение его недругам, но и почтил новым знаком своего расположения. Указом Президиума Верховного Совета СССР академик Е.С. Варга за заслуги перед Советским государством и в связи с 65-летием был награжден очередным орденом Ленина.

Пережитое в 1943 г. потрясение, в особенности малодушное поведение большинства его друзей и коллег по ИМХМП, нанесло Варге глубокую душевную травму. Он тяжело заболел и осенью 1944 г. подал заявление об отставке с поста директора Института.

На этот раз против ухода Варги решительно высказался научный коллектив ИМХМП. В Архиве РАН сохранилась копия письма институтского «треугольника» В.М. Молотову с просьбой не принимать отставку Варги:

¹ «Вскрыть через 25 лет». (Предсмертные записки Е.С. Варги). С. 157.

ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА НАРОДНЫХ
КОМИССАРОВ СССР ТОВАРИЩУ МОЛОТОВУ В.М.

23/X.1944

Уважаемый Вячеслав Михайлович!

Нам стало известно, что академик Е. Варга обратился к Вам с просьбой об освобождении его от исполнения обязанностей директора Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР, с чем мы в настоящее время согласиться не можем.

Мы считаем необходимым просить Вас при рассмотрении его просьбы учесть нижеследующее:

1. Современная международная обстановка ставит перед Институтом особенно ответственные задачи, для осуществления которых необходимо наиболее полное использование всех научных кадров, работающих в области мирового хозяйства и мировой политики. В этих условиях крупное значение приобретают большой научный опыт и знания академика Е. Варга, работающего в качестве директора Института более 17 лет и имеющего в этой области большое количество трудов.
2. Крупный авторитет академика Е. Варга в СССР и за рубежом, а также его умение смело и своевременно ставить новые научные проблемы приобретают очень важное значение в связи с характером предстоящего этапа нашей работы.
3. Огромная трудоспособность академика Е. Варга, несмотря на болезненное его состояние, дала ему возможность даже в нынешнем году, когда он около 8 месяцев болел, закончить весьма актуальную работу об изменениях современного капитализма за время второй мировой войны.
4. Имеющиеся у академика Е. Варга недостатки в области руководства работой Института требуют, конечно, помощи ему, главным образом путем усиления состава дирекции Института и редакции журнала, а также более заботливого отношения к нуждам Института со стороны Президиума Академии Наук.

Ученый секретарь Дирекции
кандидат экономических наук

(В. Масленников)

Секретарь партбюро Института
кандидат экономических наук

(М. Лукьянова)

Председатель месткома Института
кандидат экономических наук

(М. Бокшицкий)¹.

¹ Архив РАН. Ф. 1513. Оп. 1. Д. 232. Л. 1 — 2.

Отставка Варги не была принята, и он продолжал выполнять директорские обязанности, одновременно работая над новой книгой, которой суждено будет изменить его судьбу.

Сталин продолжал благоволить к Варге. В феврале 1945 г. он пригласил его в качестве эксперта на Ялтинскую конференцию руководителей антигитлеровской коалиции, а затем и на Потсдамскую конференцию держав-победительниц. Сталина очень заинтересовал прогноз Варги о неизбежности тяжелого послевоенного экономического кризиса в США. Генералиссимус настолько проникся этой мыслью, что в Потсдаме все допытывался у Г. Трумэна о сроках его наступления. Казалось, этот вопрос заботит его больше, чем даже успешное испытание в США первой атомной бомбы. По верному замечанию В.И. Каплана, Сталин «ожидал этого кризиса до своей смерти в 1953 г.»; он «не только был абсолютно уверен в скором наступлении кризиса, но и в своей глобальной политике возлагал на него большие надежды»¹.

После окончания войны Сталин направил Варгу в Будапешт в качестве экономического консультанта венгерского правительства, занимавшегося восстановлением разрушенной экономики Венгрии. По возвращении из Венгрии в 1946 г. Варга неожиданно обнаружил, что политический климат в Москве начал портиться. Вчерашняя общественная эйфория от одержанной великой победы и связанные с ней радужные надежды на изменение жизни к лучшему сменялись депрессией и нараставшей тревогой за будущее.

Варга не сразу понял смысл происходившего поворота во внешней и внутренней политике Сталина. Старый ученый целиком был поглощен осмыслением итогов Второй мировой войны, изучением глубоких структурных сдвигов, происшедших в экономике западных стран в результате войны. Я. А. Певзнер, тесно общавшийся в тот период с Е.С. Варгой, вспоминает о его тогдашних настроениях: «Теперь-то только и работать — велики были потери, но ведь мир стал другим, новым, лучшим — уничтожены спруты гитлеровского фашизма и японского милитаризма на Западе и на Востоке, сделаны решающие шаги к созданию новых социалистических государств; начался реальный, а не выдуманный кризис колониальной системы, приведший вскоре к ее распаду. И еще — пришло время изучать, как складываются в послевоенном мире экономические отношения между странами, как идет реконверсия, каким образом будут использоваться в мирных целях успехи науки и техники, которые развились в годы войны (радар, ракетная техника, атомная энергия, синтетические материалы и др.), будет ли вноситься обновление в самое социально-экономическую структуру, во взаимоотношения государства и корпораций? Для ответа на эти вопросы (особенно последний) необходимо было пристально заглянуть в недавнее прошлое — в военную экономику периода второй мировой войны»².

¹ Каплан В.И. Указ. соч. С. 142.

² Певзнер Я. Жизнь и труды Е.С. Варги в свете современности. С. 27.

*Чтобы не задерживать издания Вашего труда, я возвращаю его Вам.
Понятно, что никаких препятствий к изданию Вашего труда не будет.*

И. Сталин

3 апреля 1946 г.

Несмотря на имевшееся как будто бы в письме «благословение», отказ Сталина ознакомиться с содержанием книги своего экономического советника должен был насторожить Варгу. Наверное, это был первый случай за все годы их знакомства, когда Сталин уклонился от чтения труда Варги, тем более посвященного столь важному в тот момент вопросу. Непривычно (для Варги) сухой тон ответа Сталина должен был означать только одно: хотя «ввиду перегруженности работой» Сталин рукопись не читал, но надеется, что «товарищ Варга» раскрывает тему с правильных марксистских позиций.

Последующее развитие событий позволяет предположить, что Сталин все же ознакомился с рукописью Варги. Более того, она ему не понравилась по самой концепции и основным выводам. Давая санкцию на ее публикацию, коварный вождь задумал организовать после издания книги показательное «дело» Варги и руководимого им ИМХМП. О смысле сталинской задумки мы поговорим чуть ниже.

Преодолев возникшие было сомнения, Варга отдал рукопись в издательство, которое в рекордно быстрый срок выпустило книгу уже в 1946 г.¹

Это была первая и единственная тогда в мировой экономической литературе попытка серьезного комплексного осмысления последствий Второй мировой войны для западной экономики. Поэтому она и привлекла к себе внимание специалистов и научной общественности не только в СССР, но и за рубежом.

Опала

Первые раскаты грома раздались в мае 1947 г., когда по указанию Управления пропаганды ЦК ВКП(б) было проведено объединенное заседание Сектора политэкономии Института экономики АН СССР и Кафедры политэкономии МГУ, на котором состоялось обсуждение книги академика Е.С. Варги².

Дискуссия, продолжавшаяся на трех заседаниях — 7, 14 и 21 мая, — велась под председательством члена-корреспондента АН СССР К.В. Островитянова.

В своем вступительном слове он, среди прочего, сказал: «Выход в свет книги т. Варга... является довольно важным и значительным событием на нашем теоретическом фронте. В книге т. Варга дан обстоятельный теоретический

¹ Варга Е.С. Изменения в экономике капитализма в итоге второй мировой войны. М., 1946.

² Материалы этой дискуссии были опубликованы в Приложении к журналу «Мировое хозяйство и мировая политика». 1947, № 44.

анализ тех изменений, которые произошли в экономике капитализма в результате второй мировой войны. Но мало этого, в книге делается интересная и смелая попытка наметить тенденции экономического развития послевоенного капитализма. Об актуальности книги свидетельствует краткий перечень тех вопросов, которые в ней ставятся. Это вопросы о роли государства в развитии экономики; существо и пределы военного регулирования хозяйства; тенденции к обеднению во время войны; проблема рабочей силы; проблема производства, распределения и потребления во время войны и в последующий период; изменения в ходе промышленного цикла в послевоенный период и перспективы развития капитализма».

Отметив наряду с этим наличие ряда спорных положений в обсуждаемом труде, К.В. Островитянов завершил свое вступительное слово вполне академично: «Как бы ни относиться к книге т. Варга, нельзя не признать, — заявил он, — что она будит мысль и дает большой материал для серьезной научной дискуссии»¹.

Следует запомнить этот благожелательный по отношению к Варге тон первого выступления Островитянова.

В поддержку основных положений обсуждаемой книги выступили авторитетные экономисты — академик И.А. Трахтенберг и академик С.Г. Струминин. Последний, в частности, сказал: «...Даже наиболее спорные страницы в работе т. Варга не сужают, а повышают интерес к выдающейся, оригинальной работе автора. В отличие от произведений многих других авторов, с которыми не о чем спорить уже потому, что в их работах нет ни одной собственной мысли, книга т. Варга, изобилуя ими, заставляет подумать о них и своих читателей»².

В то же время в ходе трехдневной дискуссии были нанесены и первые ощутимые удары по всей концепции книги Варги. Главными объектами нападок стали первые две главы книги, где рассматривалась возросшая в ходе войны роль государства в экономике капиталистических стран, пытающегося внести в экономическую жизнь элементы организованности и даже плановости. По мнению оппонентов Варги (В.Е. Мотылев, Э.И. Гурвич, И.Н. Дворкин, П.К. Фигурнов и др.), в его книге содержатся «методологические промахи принципиального характера»; более того — «книга извращает кардинальную проблему перспектив капитализма», а сам «т. Варга неправильно понимает сущность государственного капитализма». Острой критике подверглось и положение Варги о государственно-капиталистической природе экономики стран народной демократии.

К.В. Островитянов, постоянно информировавший о ходе дискуссии начальника Агитпропа ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова и получавший от него соответствующие указания, к концу обсуждения уже не был столь благожелателен к Варге и его труду. Выступая с заключительным словом, он неожиданно резко и в полном противоречии со своим первоначально высказан-

¹ «Мировое хозяйство и мировая политика». 1947, № 44. С. 1.

² Там же. С. 49.

ным мнением заявил: «Тов. Варга не попытался подойти к анализу явлений современного капитализма с точки зрения сталинской постановки проблемы общего кризиса капитализма и абстрагировался от политики при анализе экономических явлений. В этом методологический порок книги»¹. Островитянов обвинил Варгу в неправильном понимании общего кризиса капитализма и особенностей борьбы двух систем, в неверной трактовке роли государства в капиталистической экономике, в ошибочной оценке экономической и политической ситуации в странах «новой демократии»². По существу Островитянов солидаризировался со всеми выпадами против Варги, прозвучавшими в ходе дискуссии.

По итогам обсуждения Островитянов направил докладную записку на имя члена Политбюро ЦК ВКП(б), секретаря ЦК А.А. Жданова. Заверив «идеолога № 1» в том, что *«дискуссия носила принципиальный характер и протекала в товарищеской обстановке»*, Островитянов подробно перечислил «выявленные» в ходе обсуждения *«серьезные недостатки книги»*, *«спорные вопросы и ошибочные положения»*³.

Ознакомившись с запиской, Жданов наложил резолюцию: *«Разослать для сведения тт. Сталину, Молотову, Берия, Микояну, Маленкову, Вознесенскому. З/В. Жданов»*⁴.

Далее события получили стремительное развитие. В печати была начата направляемая из Агитпропа кампания, причем не только против академика Е.С. Варги, но и против возглавляемого им Института, последние публикации которого подверглись грубой идеологической проработке.

Сигнал был дан теоретическим органом ЦК ВКП(б) журналом «Большевик», поместившим на своих страницах в 13-м номере за 1947 г. разгромную рецензию на книгу одного из ведущих научных сотрудников ИМХМП Л.Я. Эвентова «Военная экономика Англии» (М., 1946), опубликованную под редакцией академика И.А. Трахтенберга.

«Книга тов. Эвентова — порочная книга, — безапелляционно утверждалось в рецензии. — Она не вскрывает глубочайших противоречий английского капитализма, не дает правильного освещения процессов, происходящих в капиталистической экономике. <...> Беспартийное, объективистское изложение наряду с принятием на веру некоторых буржуазных утверждений обесценивает фактический материал, который имеется в книге. Работы по экономике капитализма, — поучал «теоретический орган» партии, — должны вооружать советских людей, помогать им разбираться в явлениях, процессах, противоречиях капиталистического общества. Экономическая теория глубоко партийна. Поэтому объективизм, бесстрастное коллекционирование экономических фактов недопустимо»⁵.

¹ «Мировое хозяйство и мировая политика». 1947, № 44. С. 56.

² Там же. С. 57 — 58.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 551. Л. 90 — 97.

⁴ Там же. Л. 90.

⁵ Большевик, 1947, № 13. С. 64 — 65.

А в 17-м номере «Большевика» за тот же год был помещен пространный отклик на дискуссию по книге Е.С. Варги. «Основной недостаток книги тов. Варга состоит в том, что она не дает цельной характеристики современного империализма, — утверждал «Большевик». — Этот недостаток... объясняется прежде всего тем, что изменения в экономике современного капитализма автор рассматривает изолированно, вне связи с обострением общего кризиса капитализма в итоге второй мировой войны. Проблема развития и углубления общего кризиса капитализма, по существу, обойдена в книге. <...> Книга не дает общей картины усиления паразитизма и загнивания капитализма, обострения основных противоречий капиталистической системы, усиления неравномерности развития капитализма, обострения проблемы рынков. Следует также отметить, что автор односторонне анализирует явления и тенденции современного капитализма, отрывая экономику от политики...»¹.

Удар был нанесен и по ИМХМП. «Дискуссия, — утверждалось в «Большевике», — вскрыла наряду с серьезными недостатками книги академика Е. Варга слабые стороны в работе наших экономистов, и прежде всего в работе Института мирового хозяйства и мировой политики Академии наук СССР, по теоретическому исследованию современной стадии империализма и общего кризиса капитализма»².

В это же время стало ясно, что Е.С. Варга и ИМХМП обрели весьма опасного недоброжелателя в лице тогдашнего сталинского фаворита Н.А. Вознесенского, члена Политбюро, Первого заместителя Председателя Совета Министров, Председателя Госплана СССР. Почти одновременно с Варгой он выпустил труд под названием «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», немедленно отмеченный Сталинской премией.

По понятным причинам, воззрения практика плановой советской экономики существенно отличались от более широких взглядов знатока западной экономической системы. Выступая в роли первого в СССР экономиста, Вознесенский уже претендовал и на бесспорное знание экономики капиталистической.

Он решительно выступил против самой концепции Варги о возрастании роли государства в послевоенной экономике западных стран. «Рассуждения некоторых теоретиков, считающих себя марксистами, о «решающей роли государства в военном хозяйстве капиталистических стран» являются пустяками, не заслуживающими внимания. Эти «марксисты» наивно думают, что использование хищниками монополистического капитала государственного аппарата США для получения военных сверхприбылей будто бы свидетельствует о решающей роли государства в экономике... Жалкие попытки «планиро-

¹ Большевик, 1947, № 17. С. 57.

² Там же. С. 64. Варга пытался защищаться. В сентябре 1947 г. он направил Сталину письмо под названием «Об ошибках "Большевика" по вопросу о последствиях войны», где убедительно вскрывал несостоятельность возводимых на него обвинений. (Текст письма см.: Архив РАН. Ф. 1513. Оп. 1. Д. 198. Л. 19-20). Сталин не ответил на письмо, и это было дурным предзнаменованием для Варги.

вать» экономику в США терпят крах, как только они выходят за рамки содействия монополистам в получении прибыли»¹.

Мало-мальски осведомленным людям сразу же стало ясно, в кого метит влиятельнейший тогда партийный функционер, говоря о «теоретиках, считающих себя марксистами». Если Вознесенский и не назвал имя Варги, то лишь потому, что не был пока уверен, что Сталин окончательно охладел к своему консультанту по экономическим проблемам Запада. Тем не менее заявленная позиция Вознесенского, подкрепляемая мнением «Большевика», придавала смелости явным и тайным недоброжелателям Варги, добивавшимся показательного закрытия ИМХМП и «оргвыводов» в отношении его руководства и ведущих сотрудников.

О том, что дело не ограничится профилактической идеологической проработкой ИМХМП, знал лишь узкий круг аппаратчиков из Агитпропа ЦК ВКП(б), втайне готовивших решение о закрытии Института. Первые признаки такого исхода дела появились еще весной 1947 г., когда неожиданно были прекращены зарубежные научные командировки сотрудников ИМХМП.

13 марта 1947 г. Президент АН СССР академик С.И. Вавилов обратился к секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову с официальной просьбой поддержать ходатайство директора ИМХМП академика Е.С. Варги о командировании пяти ведущих научных сотрудников Института в ряд зарубежных стран на сроки от двух до нескольких месяцев. *«Чрезвычайная сложность происходящих процессов в международной политике и экономике капиталистических стран и необходимость тщательного изучения этих процессов делают подобные научные командировки с целью непосредственного ознакомления с соответствующей страной, желательными»*, — подчеркивалось в обращении Президента АН СССР². 26 марта 1947 г. Е.С. Варга подкрепил это официальное обращение личными письмами к А.А. Жданову и А.А. Кузнецову³.

Более месяца вопрос о загранкомандировках оставался в подвешенном состоянии в недрах Агитпропа. Наконец, 5 мая 1947 г. Г.Ф. Александров «вышел» с этим вопросом на секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецова, в ведении которого находились все кадровые вопросы:

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Кузнецову А.А.

По представлению директора Института мирового хозяйства и мировой политики академика Е.С. Варга, президент Академии наук СССР академик С.И. Вавилов вошел в ЦК ВКП(б) с ходатайством о командировании в ряд зарубежных стран пяти старших научных сотрудников Института: Карра Василия Андреевича, Гольдштейна Исаака Иосифовича, Файнгора Исахаара Моисеевича, Слободского Соломона Марковича, Лемина Иосифа Михайловича.

¹ Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947. С. 31.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 551. Л. 81. К обращению Президента АН СССР были приложены составленные в ИМХМП служебно-партийные характеристики на каждого из пяти командироваемых.

³ Там же. Л. 87.

Управление пропаганды считает нецелесообразным посылку указанных лиц в заграничные научные командировки по политическим мотивам (подчеркнуто в оригинале красным карандашом. — П.Ч.). Гольдштейн И.И. и Слободской С.М. являются выходцами из партии «Бунд», Лемин И.М., Гольдштейн И.И. и Файнгор И.М. в прошлом исключались из ВКП(б). Карра В.А. — сын помещика из местечка Камрат бывш. Бессарабской губ., в течение 12 лет проживал в Германии, политически не выявлен. Трое из названных лиц, Гольдштейн И.И., Карра В.А., Слободской С.М., в настоящее время вне партии.

Командировка за границу пяти научных работников Института мирового хозяйства и мировой политики связана также с значительными затратами валютных средств.

Г. Александров.

На письме Г. Александрова имеются резолюции: «Согласен с заключением тов. Александрова. М. Сулов. 5.V.»; «Согласен. А. Жганов. 6.V.47» и приписка: «В архив. Тов. Варге и тов. Вавилову объяснено. П. Федосеев. 20.V.»¹.

С этого времени ни один сотрудник ИМХМП до самого его закрытия в заграничные командировки не выезжал.

Вопрос о закрытии Института решился в сентябре 1947 г. Поначалу он был оформлен в Агитпропе, затем передан на рассмотрение Секретариата ЦК, который в своем решении от 12 сентября рекомендовал Политбюро объединить ИМХМП с Институтом экономики в единый Институт экономики АН СССР.

Хотя архивы бывшего ЦК КПСС и не дают ответа на вопрос о том, кто именно инициировал закрытие ИМХМП, ответ этот очевиден — сам Сталин. Только он мог решить судьбу Института Варги.

Варга, видимо, не сразу понял, откуда дует ветер. Интригу с закрытием ИМХМП он приписал своим давним (А.А. Вышинский, Г.Ф. Александров и др.) и новым (Н.А. Вознесенский) недоброжелателям. Этим и можно объяснить обращение Варги к Сталину, который до сих пор всегда поддерживал его. В личном фонде Сталина в РГАСПИ это письмо не сохранилось, но его машинописная копия имеется среди бумаг Варги в Архиве РАН. Вот полный текст этого письма:

Глубокоуважаемый товарищ Сталин!

Товарищ Александров мне передал, что Управление пропаганды ЦК ВКП(б) вносит в Правительство план объединения Института мирового хозяйства и мировой политики с Институтом экономики (здесь и далее подчеркнуто в тексте письма. — П.Ч.) Академии Наук СССР в один институт, который должен заниматься только экономикой, но не международной политикой.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 551. Л. 89.

Хотя такая реорганизация дала бы мне возможность освободиться от должности директора, о чем я несколько раз просил, я считаю своим долгом возражать против такого плана.

Отделить изучение политики капиталистических стран от изучения экономики и наоборот было бы теоретически анти-ленинским, а практически совершенно неосуществимым. Экономика и политика капиталистических стран сейчас так переплетены, что нельзя заниматься экономикой без политики, а тем более политикой без изучения экономики.

Мотив, выдвигаемый товарищем Александровым, что экономика СССР переплетается с экономикой зарубежных стран и поэтому ее надо изучать совместно в одном институте, правилен только в отношении соседних юго-восточных стран. Он никак не правилен в отношении возможных противников, крупных капиталистических стран, как США, Англия, Франция, Китай и т.д. Экономика этих стран имеет другие движущие силы, чем наша. Товарообмен с нами для этих стран имеет очень небольшое значение, теперь меньшее, чем до войны.

Поэтому я прошу Вас отвергнуть план слияния двух институтов.

Институт мирового хозяйства и мировой политики, несмотря на недостатки в его работе, в течение 20 лет делает полезную работу и может успешно работать и в будущем, как самостоятельный институт. Поэтому думаю, что эксперимент со слиянием институтов был бы нецелесообразным, как по обще-принципиальным, так и по практическим соображениям.

С коммунистическим приветом¹.

Ответа от Сталина Варга так и не получил, как не получит он ответа и на последующие свои обращения к вождю, который словно вычеркнул заслуженного экономиста-международника из числа своих адресатов. Вместо Сталина Варге позвонил Жданов и пригласил к себе на Старую площадь. Как впоследствии рассказывал сам Варга, Жданов в резкой форме заявил ему, что вопрос о слиянии двух институтов решен окончательно и обсуждению не подлежит².

18 сентября 1947 г. было принято упоминавшееся уже решение Политбюро. Формально ИМХМП прекратил свое существование в ноябре того же года. В результате объединения с Институтом экономики лишь половина научных сотрудников (примерно 60 человек) бывшего ИМХМП после самой тщательной проверки была принята на работу в ИЭ АН СССР, образовав в нем Отдел капиталистических стран. Остальные «имховцы» в одночасье оказались безработными. Десятки первоклассных специалистов, в их числе

¹ Архив РАН. Ф. 1513. Оп. 1. Д. 198. Имеющаяся в Архиве РАН копия письма не датирована и не подписана Е.С. Варгой. Можно предположить, что письмо было написано летом 1947 г.

² См.: Певзнер Я.А. Жизнь и труды Е.С. Варги в свете современности. С. 28.

доктора наук В.И. Каплан, крупнейший американист, Х.Д. Эйдуз, знаток Японии, бывший заведующий восточным сектором и ученый секретарь Института, А.З. Зусманович, видный африканист и другие, были буквально выброшены из науки и лишились средств к существованию. В течение нескольких лет многие не могли трудоустроиться в Москве и вынуждены были уехать на периферию, где их ожидали новые испытания, о чем еще будет сказано.

После выяснения обстоятельств ликвидации Института мирового хозяйства и мировой политики остается ответить на главный вопрос: в чем же причины неожиданной опалы Е.С. Варги и последовавшего за ней закрытия ИМХМП?

Ответ на этот непростой вопрос может быть найден только с учетом исторических реалий первых двух послевоенных лет.

«Новый курс» Сталина и начало холодной войны

Историческая победа в Великой Отечественной войне, на алтарь которой народы Советского Союза принесли многомиллионные жертвы, вызвала в стране большой общественный подъем. За годы войны в людях окрепли чувства гордости и собственного достоинства, появилась убежденность в праве на лучшую жизнь не только для детей и внуков, как то сулила партия большевиков, но и для себя. Вернувшиеся с фронта миллионы солдат и офицеров Красной Армии, освободившие свою страну и значительную часть Европы, героические труженики тыла, самоотверженно ковавшие победу на военных заводах и скудных колхозных полях, — все они весной сорок пятого года находились в приподнятом настроении, в уверенности на улучшение тяжелейших условий материальной жизни.

Сталин чувствовал все эти настроения, и в его власти было хотя бы попытаться удовлетворить законные чаяния народа-победителя. Но он предпочел пойти по другому пути.

Генералиссимус испытывал растущее беспокойство за стабильность своего режима. Народ, по его убеждению, за годы войны идеологически разболтался: миллионы советских людей пережили оккупацию и плен; другие (а их тоже был с десяток миллионов) побывали в европейских странах и узнали совсем иную, чем в СССР, жизнь; сознание тех и других не могло не подвергнуться опасным, с точки зрения диктатора, искушениям.

Болезненную (впрочем, совершенно беспричинную) тревогу вызывала у Сталина армия, ее высший командный состав, вынесший на своих плечах всю тяжесть четырехлетних военных испытаний. Особую ревность генералиссимус испытывал к маршалу Г.К. Жукову, претендовавшему, как казалось Сталину, на лавры победителя.

Всему этому должен быть положен конец. Так решил «вождь и учитель», начавший завинчивать гайки. Сейчас уже мало кто помнит, что в конце 1946 г. Сталин отменил празднование Победы над Германией, сделав выходным вме-

сто 9 мая новогодний день 1 января. День Победы официально станут отмечать в СССР только с 1965 г.

Война, несомненно, наложила отпечаток и на политико-идеологические воззрения самого Сталина, определив их эволюцию от интернационально-коммунистической к национал-большевистской модели.

Вопрос об интернационализме применительно к мировоззрению Сталина вообще довольно спорный, хотя, действительно являясь учеником и последователем Ленина, он формировался как революционер-интернационалист. Со временем же, жестко отстаивая в борьбе с Троцким свою концепцию о возможности построения социализма в отдельной взятой стране, т.е. в СССР, Сталин все больше (возможно, даже незаметно для самого себя) переходил с позиций пролетарского интернационализма — этого основополагающего принципа марксизма — на позицию национал-большевизма.

Эта эволюция, начавшаяся еще в предвоенный период (вспомним письмо Варги Сталину от 28 марта 1938 г.) ускорила в годы войны, когда Сталин стал ощущать себя не только «вождем мирового пролетариата», но в еще большей степени — преемником царей, единовластным правителем тысячелетнего российского государства. Он стал все чаще апеллировать к историческому опыту России, прибегать к переделанным на советский лад заимствованиям из дореволюционного прошлого.

В годы войны Сталин вспоминает о «наших великих предках» — Александре Невском, Суворове и Кутузове, учредив и назвав их именами полководческие ордена. В 1943 г. он вводит в Красной Армии новую форму с золотыми погонами, во многом скопированную с мундиров царской армии; учреждает суворовские училища на манер дореволюционных кадетских корпусов.

С началом войны Сталин «амнистирует» Русскую православную церковь, возвращает из мест заключения немногих остававшихся еще в живых иерархов, а в 1943 г. восстанавливает патриаршество, ликвидированное им же в 1925 г. Но, что более важно, в 1943 г. Сталин (под формальным предлогом необходимости сплочения антигитлеровской коалиции) распускает Коминтерн — этот «штаб мировой революции» — и заменяет Государственный гимн СССР с «Интернационала» на «Союз нерушимый...». Во внутренней и внешней политике сталинского режима все более четко обозначаются черты великодержавности, замешанной на большевизме.

Нынешний лидер КПРФ Г.А. Зюганов, большой поклонник Сталина, пишет по этому поводу: «Не вдаваясь в оценки личности Сталина, надо признать, что он, как никто другой, понимал необходимость мировоззренческого обновления в рамках геополитической формы СССР. Понимал он и насущную потребность согласования новых реальностей с многовековой российской традицией. Результатом такого понимания и стало резкое изменение государственной идеологии Советского Союза в 1944—1953 годах. В основе нового курса, — продолжает неосталинист Зюганов, — лежало стремление создать эффективную и соответствующую требованиям современности «идеологию патриотизма», которая могла бы стать надежным мировоззренческим основанием для

функционирования государственных механизмов огромной советской державы и ее союзников»¹.

Как бы ни относиться к изысканиям лидера КПРФ в области геополитики, в одном нельзя с ним не согласиться: действительно, поворот в «государственной идеологии» СССР наметился с конца войны, когда Сталин решил преподать народу-победителю урок «советского патриотизма». Новый курс, взятый Сталиным, с полным основанием можно определить как национал-большевизм.

Дело в том, что, утверждая идеологию патриотизма, Сталин вовсе не стремился освободиться от наследия большевизма. Напротив, он его берег, развивал и всегда держал наготове, в частности, в отношениях ВКП(б) с «братскими компартиями» после роспуска Коминтерна.

В результате разгрома нацистской Германии и ее союзников в ряде коммунистических партий (Франции, Чехословакии, Греции, Румынии, Югославии и др. стран) начались поиски собственных, национально-специфических путей к социализму. Все эти поиски вызвали растущее раздражение у Сталина, так как были чреваты ослаблением его контроля над компартиями, чего он никак не мог допустить. В 1945 г. он по существу запретил французским коммунистам, сыгравшим значительную роль в Сопротивлении, претендовать на власть, так как не был до конца уверен в их лояльности.

Нараставшее после окончания войны обострение международной обстановки и наметившийся в 1947 г. раскол Европы побудили Сталина ускорить принятие мер по прекращению дискуссий вокруг «национальных» концепций социализма и консолидировать коммунистическое движение вокруг ВКП(б). Восстанавливать Коминтерн Сталин считал нецелесообразным, но и оставлять компартии без присмотра он посчитал невозможным.

Зарубежные компартии должны были признать советскую модель как единственно верную для всех «отрядов мирового пролетариата». С этой целью Сталин решил создать региональный центр по руководству компартиями государств Восточной и Центральной Европы, которым предстояло из стран «народной демократии» превратиться в составную часть «социалистического лагеря».

22 сентября 1947 г. в польском городке Скларска-Пореба (Шкларска Поремба) в обстановке полной секретности было созвано совещание представителей компартий СССР, Болгарии, Венгрии, Румынии, Польши, Чехословакии, Югославии, Италии и Франции, принявшее решение о создании Информационного бюро коммунистических партий (Коминформ).

ВКП(б) была представлена на совещании А.А. Ждановым и Г.М. Маленковым. В докладе Жданова, лично отредактированном Сталиным, впервые четко было заявлено о том, что новая расстановка политических сил после войны характеризуется образованием «двух лагерей — лагеря империалистического, антидемократического, с одной стороны, и лагеря антиимпериалистического и демократического — с другой». Вскрывшимся в ходе совещания разногласиям между представителями компартий о путях «построения социализма»

¹ Зюганов Геннадий. География победы: основы российской геополитики. М., 1998. С. 106.

Жданов и Маленков жестко противопоставили «единственно верную» советскую модель социализма. Всякие отступления от сталинской модели, как покажет вскоре опыт Югославии, были чреваты отлучением от международного коммунистического движения. Коминформ с момента своего возникновения превратился в орган, контролирующий из Москвы всю деятельность входивших в него компартий.

Новый курс четко обозначился во всей внешней и внутренней политике сталинского режима.

9 февраля 1946 г., выступая в Москве на предвыборном собрании избирателей, Сталин нанес первый удар по витавшим в обществе иллюзиям о скорой счастливой жизни. Определяя задачи по восстановлению разрушенной войной экономики, Сталин заявил, что народу предстоит в очередной раз затянуть пояса, по крайней мере «на три новых пятилетки, если не более». «Только при этом условии, — подчеркнул он, — можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей...»¹.

В западных странах — союзниках СССР по антигитлеровской коалиции это выступление Сталина вызвало тревогу. Сталин не удостоил вчерашних союзников ни единым словом, а его заявление о необходимости для СССР гарантий «от всяких случайностей» было воспринято на Западе как предупреждение о возможной конфронтации между державами-победителями.

5 марта 1946 г. последовала известная Фултонская речь бывшего английского премьера У. Черчилля, в которой была выдвинута идея англо-американского военного союза против «восточного коммунизма», угрожающего западным демократиям. Именно в этой речи впервые появилось выражение «железный занавес», которым СССР сам отделил себя от «свободного мира».

Следует отметить, что поначалу на Западе высказывания отставного политика были встречены с недоумением и даже с неодобрением. Но когда по этому вопросу высказался Сталин, стало ясно, что послевоенный мир вступает в новую эпоху.

13 марта Сталин ответил Черчиллю со страниц «Правды». «Несомненно, что установка г. Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР», — категорично заявил Сталин². Запад был буквально шокирован сталинским сравнением Черчилля с Гитлером. Бывший британский премьер, мужественно руководивший военными действиями против нацистской Германии еще с 1940 г., когда Сталин по существу был союзником Гитлера, был назван не только поджигателем войны, но и расистом.

За словесными угрозами с двух сторон последовали конкретные действия.

Советский Союз резко активизирует советизацию освобожденных Красной Армией на исходе войны государств Восточной и Центральной Европы, которые, по замыслу Сталина, должны были составить спешно создаваемый им «социалистический лагерь» в противовес «лагерю империализма». Дейст-

¹ Правда, 10.02.1946.

² Правда, 13.03.1946.

вуя через своих союзников — Албанию, Болгарию и Югославию, — СССР способствовал разжиганию Гражданской войны в Греции (1946—1949 гг.), надеясь распространить свой контроль на весь Балканский регион¹.

Одновременно компартии западных стран получили указание развернуть широкомасштабную идеологическую кампанию против собственных правительств, ориентировавшихся на США.

Неразрешимые противоречия между СССР и его вчерашними военными союзниками по германскому вопросу побудили Вашингтон и Лондон начать создание сепаратистского западногерманского государства. Первый шаг в этом направлении был сделан в январе 1947 г., когда произошло слияние американской и британской оккупационных зон в Германии в единую экономическую территорию Бизонию. Протесты СССР были оставлены без внимания.

В марте 1947 г. в Вашингтоне была принята «доктрина Трумэна», обозначившая новое направление во внешней политике США, которые обязались оказать всю необходимую экономическую и военную помощь «свободным народам» в случае угрозы для их безопасности. Всем было ясно, что имеется в виду «угроза с Востока». Одновременно в США был принят «закон о лояльности», позволявший проверять государственных служащих на лояльность Конституции и на возможное участие в подрывной (коммунистической) деятельности. С 20 марта 1947 г. в США началась активная работа Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности (так называемая «охота на ведьм»).

Составной частью нового внешнеполитического курса Вашингтона стала программа экономического возрождения разрушенной войной Европы, разработанная государственным секретарем США Дж. Маршаллом. «План Маршалла», начал осуществляться с апреля 1948 г.; он предусматривал оказание европейским странам в течение четырех лет экономической помощи в сумме более 12 млрд. долл. В США считали, что обескровленная в войне Западная Европа может стать легкой добычей для сталинского режима, и потому необходимо оказать ей срочную финансово-экономическую поддержку для стабилизации там социально-политической ситуации. Страны Центральной и Восточной Европы также могли рассчитывать на американскую помощь, но при условии переориентации их экономики с Советского Союза на Запад.

Начало политической конфронтации между СССР и его вчерашними союзниками сопровождалось «войной перьев». Все огромные пропагандистские ресурсы сталинского режима были брошены на разоблачение «поджигателей войны».

Запад принял брошенный ему вызов и в области информационно-психологической войны. 3 апреля 1946 г. к вещанию на СССР приступила Русская служба Би-Би-Си, а 17 февраля 1947 г. аналогичное вещание начала радиостанция «Голос Америки». Обе радиостанции, в редакциях которых работали рус-

¹ См.: Улунян Ар.А. Политическая история современной Греции: конец XVIII в. — 90-е гг. XX в. М., 1998. С. 189—213.

ские эмигранты первой волны и советские невозвращенцы, вели свои передачи в духе наступательного антикоммунизма.

Призрак начинавшейся между Востоком и Западом «холодной войны»¹ бросил свою устрашающую тень и на советское общество, оказавшееся перед лицом новой волны репрессий.

11 мая 1946 года. Военная коллегия Верховного суда СССР выносит приговор по т.н. «делу авиаторов», приговорив к различным срокам заключения бывшего наркома авиационной промышленности А.И. Шахурина, главкома ВВС Главного маршала авиации А.А. Новикова, командующего 12-й воздушной армией маршала авиации С.А. Худякова² и других руководителей авиапромышленности и ВВС.

3 июня 1946 года. Герой войны маршал Г.К. Жуков снят с должностей главкома Сухопутных войск, заместителя министра Вооруженных сил СССР и отправлен в ссылку — командовать войсками Одесского военного округа. МГБ собирает компромат на Жукова. Арестованы несколько генералов из его окружения, из которых выбивают показания на маршала. Впоследствии (февраль 1947 г.) Жуков будет выведен из состава ЦК ВКП(б) и отправлен служить еще дальше от Москвы — в Свердловск (Екатеринбург).

14 августа 1946 года. ЦК ВКП(б) принимает печально известное постановление «О журналах «Звезда» и «Ленинград» с грубыми нападками на Анну Ахматову и Михаила Зощенко. Это был сигнал к ужесточению идеологической дисциплины и нетерпимости к любым проявлениям свободомыслия в советском обществе после одержанной в войне победы, когда среди интеллигенции возникли иллюзии о возможной либерализации сталинского режима. Позднее такого рода постановления были приняты о кино, театре и музыке.

12 октября 1946 года. Положено начало раздутому три года спустя «делу» Еврейского антифашистского комитета (ЕАК), — общественной организации, созданной в августе 1941 г. в целях мобилизации советской и международной общественности для борьбы против фашизма. В этот день МГБ направило в ЦК ВКП(б) записку «О националистических проявлениях некоторых работников Еврейского антифашистского комитета», в которой отмечалось, что члены ЕАК, забывая о классовом подходе, осуществляют международные контакты с буржуазными деятелями и организациями на националистической основе, преувеличивают вклад советских евреев в достижения СССР, что следует расценить как проявление еврейского национализма. МГБ рекомендовало ЦК ВКП(б) ликвидировать ЕАК и санкционировать расследование его деятельности³. 26 ноября того же года записку аналогичного содержания на имя Сталина направил М.А. Суслов. Политика государственного антисемитизма получит свое развитие в последующие годы.

15 февраля 1947 г. Президиум Верховного Совета СССР принимает указ «О воспрещении регистрации браков граждан СССР с иностранцами».

¹ Выражение «холодная война» («cold war») впервые появилось в США год спустя, в апреле 1947 г.

² Маршал авиации С.А. Худяков погибнет в застенках МГБ.

³ Материалы позднейшего расследования «дела» ЕАК см.: Известия ЦК КПСС, 1989, № 12.

24 февраля 1947 г. Сталин подвергает резкой критике вторую серию кинофильма С. Эйзенштейна «Иван Грозный» за «историческое искажение» личности царя и проводившейся им внутренней политики — опричнины. Сталин высоко оценивает деятельность Ивана Грозного и его карательную политику.

28 марта 1947 г. Совет Министров СССР принимает подписанное Сталиным и Ждановым постановление «О судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах». Заимствованные Сталиным из опыта дореволюционной России «суды чести» призваны были ужесточить контроль над советской бюрократией и интеллигенцией для воспитания их в духе «советского патриотизма» и для «борьбы с проступками, роняющими честь и достоинство советского работника». «Суды чести» обычно выносили общественное порицание, а в случае необходимости передавали рассмотренное ими «дело» в МГБ или МВД.

Первыми жертвами «суда чести» стали профессора медицины Н.Г. Ключева и Г.И. Роскин, опубликовавшие в США работу «Пути биотерапии рака», чем совершили «антипатриотический и антигосударственный поступок».

В ноябре 1947 г. состоялся публичный суд чести над крупным ученым-генетиком, профессором А.Р. Жебраком, «посмеявшим» еще в 1945 г. опубликовать в американском журнале «Science» статью об отечественной биологии с некоторыми критическими замечаниями по адресу «народного академика» Т.Д. Лысенко. Нападки на Жебрака станут прелюдией к погрому, учиненному год спустя в советской генетике.

9 июня 1947 г. Принят Указ Президиума Верховного Совета СССР об уголовной ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну. В скором времени жертвами этого указа станут не только рядовые совслужащие, но и такие видные деятели сталинского режима, как член Политбюро Н.А. Вознесенский и глава МГБ В.С. Абакумов.

Таковы лишь некоторые события и эпизоды начинавшейся в 1946—1947 гг. холодной войны на ее «втором фронте», т.е. в самом Советском Союзе, где первоначальная эйфория года Победы сменилась возвращением прежних довоенных и появлением новых страхов. В ряду этих событий стояло и исчезновение осенью 1947 г. Института мирового хозяйства и мировой политики, оставшееся практически не замеченным советской общественностью.

В условиях резко обострявшейся международной обстановки, чреватой военным столкновением СССР с его недавними союзниками по антигитлеровской коалиции, Сталин больше не нуждался в Варге и его Институте, откуда по большей части исходили «не те» рекомендации, которых ожидал «хозяин». Обреченность империализма, в которую свято уверовал Сталин, исходивший из перспективы неизбежной войны с США, делала, по его убеждению, ненужными научные исследования американской и в целом капиталистической экономики.

Теперь, спустя более полувека, ясно, что Варга и его сотрудники не сразу осознали смысл поворота в политике Сталина, наметившегося с окончанием войны. Многие серьезные исследователи в ИМХМП исходили из необходимости

сти продолжения сотрудничества с союзниками по антигитлеровской коалиции и, прежде всего с США, оказавших СССР в 1942—1945 гг. значительную военно-экономическую помощь по линии ленд-лиза. В обстановке послевоенной разрухи, усугубленной поразившим страну в 1946 г. голодом, надежды на лучшую жизнь в определенной степени были связаны с дальнейшим поступлением американской помощи.

В какой-то мере эти надежды имели под собой реальную почву, так как перед самым окончанием войны в сенате США обсуждался вопрос о предоставлении Советскому Союзу большого займа в размере 25 млрд. долл. для восстановления разрушенного войной хозяйства.

Американисты из Института мирового хозяйства и мировой политики (прежде всего доктор исторических наук В.И. Каплан) направили Сталину и Молотову соответствующую записку, рекомендовав им «как можно скорее» добиваться получения такого займа и «использовать его по назначению»¹.

Наверху к этой идее отнеслись сдержанно, хотя вплоть до лета 1947 г., когда США приступили к реализации «плана Маршалла», сама возможность получения Советским Союзом американской помощи в принципе не отвергалась.

Как справедливо полагали в ИМХМП, возможность поступления этой помощи напрямую зависела от сохранения корректных отношений с США. Именно этот призыв к высшему советскому руководству содержался в обстоятельной (более ста страниц) записке, составленной, судя по всему, в первой половине 1947 г. В.И. Капаном. Хотя сам Е.С. Варга и не разделял в полной мере всех положений этой записки, тем не менее он направил ее Сталину.

«В этой обширной докладной записке подчеркивалось, что, если в грядущие годы мы будем соревноваться в вооружениях с Америкой, то нам не удастся использовать плоды Великой Победы для поднятия жизненного уровня народа, — вспоминал впоследствии ее автор. — Учитывая большую разницу в национальном доходе и в производительности труда в СССР и США, соревнование в вооружениях между обоими государствами будет означать для Советского Союза несравненно более тяжелое бремя, чем для Америки. Действительное влияние в мире, говорилось также в записке, будет больше всего зависеть не от того, какие у нас будут вооруженные силы и где они будут дислоцированы, а от развития производительных сил страны и уровня жизни населения. Успехи в соревновании с капитализмом в этой области, говорилось в записке, позволят сократить до минимума расходы не только на вооруженные силы, но и на карательные органы, пограничную охрану, войска конвойной службы. И, наоборот, соревнование в вооружениях приведет к постоянному росту военных расходов, что повлечет за собою отставание в уровне жизни населения СССР по сравнению с передовыми капиталистическими странами, а также автоматически потребует увеличения ассигнований по другим статьям непродовольственных расходов.

¹ Каплан В.И. Указ. соч. С. 144.

Наконец, подчеркивалось в записке, в условиях советско-американского соревнования в вооружениях надежды на революцию в Германии иллюзорны: если после первой мировой войны, когда СССР был слабым и разоренным, США потратили миллиарды долларов для того, чтобы помешать развитию революции в Германии, то после второй мировой войны, из которой СССР вышел как победоносная могущественная держава с колоссально выросшим международным авторитетом, США не остановятся перед затратой денег для сохранения капитализма в Западной Европе, в частности в Западной Германии»¹.

Вскоре Варге, который, с конца 1945 г. утратил прямой контакт со Сталиным, стало известно, что записка Каплана «хозяину» решительно не понравилась, как столь же необъяснимо перестали нравиться и другие материалы, посылаемые ему из ИМХМП.

Единственным исключением стала направленная 24 июня 1947 г. Молотову записка самого Варги с анализом плана Маршалла. Удивительным образом выводы Варги на этот раз полностью совпали с мнением Сталина.

Дело в том, что в Политбюро (прежде всего В.М. Молотов) поначалу с интересом восприняли план Маршалла, усмотрев в нем возможность чужими руками восстановить как собственную экономику, так и экономику восточноевропейских стран—сателлитов СССР. Политическая подоплека американской инициативы, исключавшей оказание помощи «недружественным странам», первое время не была ясна Кремлю.

Варга же посмотрел на план Маршалла с точки зрения отстаиваемой им концепции о предстоящем в самом скором времени в США глубоком экономическом кризисе. «Решающее значение при выдвижении плана Маршалла, — писал Варга Молотову, — имело экономическое положение США. План Маршалла должен был в первую очередь явиться оружием смягчения очередного экономического кризиса, приближение которого уже никто в США не отрицает»². Варга убеждал Молотова, что в основе плана Маршалла лежали главным образом собственные экономические расчеты монополий США. «Американская финансовая олигархия и американские политики ищут средства для смягчения предстоящего экономического кризиса. Таким средством является продажа излишних (в условиях капитализма) товаров за границей, не покупая одновременно на соответствующие суммы товаров из-за границы. Таким образом, США в собственных интересах должны дать гораздо больше кредитов, чем они давали до сих пор, чтобы освободиться от лишних товаров внутри страны, даже если заранее известно, что часть этих кредитов никогда не будет оплаченной», — утверждал Варга³. В целом оценка Варгой плана Маршалла была определена отрицательной и в этом, как оказалось, его мнение совпадет с точкой

¹ Каплан В.И. Указ. соч. С. 145—146.

² Цит. по: Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. Апогей и крах сталинизма. М., 1997. С. 58.

³ Там же.

зрения Сталина. Молотов направил записку Варги для ознакомления другим членам Политбюро — Сталину, Берии, Жданову, Микояну, Маленкову и Вознесенскому. «Надо полагать, — отмечает разыскавший эту записку в архиве МИД РФ М.М. Наринский, — она сыграла свою роль в определении позиции Советского Союза к плану Маршалла. Уверенность в приближении глубокого экономического кризиса на Западе позволяла советскому руководству рассчитывать на скорое изменение всей международной ситуации в пользу СССР»¹.

26 июня 1947 г. В.М. Молотов прибыл в Париж на Совецание министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции, где обсуждались перспективы плана Маршалла. На первых заседаниях он, казалось, занимал вполне благожелательную позицию по обсуждаемым вопросам, но 2 июля неожиданно для своих западных собеседников отказался от дальнейших дискуссий. Сделав поразившее всех жесткое заявление об угрозе плана Маршалла для независимости европейских стран, Молотов прервал переговоры и выехал в Москву.

Дело в том, что Сталин, размышляя над планом Маршалла, пришел к выводу, что эта американская инициатива несет в себе угрозу для всей стратегии СССР в Европе. К тому же из полученных к тому времени данных разведки Сталину стало окончательно ясно, что у СССР нет никаких шансов подключиться к плану Маршалла. Поэтому он и отозвал Молотова из Парижа. Отныне свои надежды Сталин связывал с обещанным Варгой экономическим кризисом в США.

В итоге СССР не только сам отказался принимать участие в обсуждении плана Маршалла, но и заставил своих восточноевропейских сателлитов сделать то же самое. В то время как 16 европейских стран включились в процесс европейского экономического сотрудничества, Советский Союз и Восточная Европа остались в стороне от этого процесса. Произошел фактический раскол Европы на два экономических блока². Этот раскол будет окончательно закреплён в 1948—1949 гг. после коммунистического переворота в Чехословакии, первого Берлинского кризиса, возникновения НАТО и создания двух германских государств.

Понравившаяся Сталину записка Варги не повлияла на его резко переменявшееся отношение как к самому Варге, так и к ИМХМП, судьба которого была предпрешена.

В отличие от многих советских научных учреждений, Институт Варги за двадцать его существования счастливо избегал идеологических проработок. Организаторы подобных проработок, действовавшие, как правило, по заказу сверху, хорошо знали о расположении Сталина к Варге и после известной «свердловской истории» не трогали его.

¹ Цит. по: Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. Апогей и крах сталинизма. М., 1997. С. 58—59.

² Восточноевропейский экономический блок формально будет образован в январе 1949 г., когда Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, СССР и Чехословакия подпишут договор о создании Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Впоследствии в СЭВ вступят и другие страны «социалистического лагеря».

И вдруг все изменилось. С середины 1947 г., как по команде, в печати была развернута кампания против Варги и ИМХМП.

В условиях наметившегося после окончания войны раскола Европы на два враждебных блока, когда восточноевропейским странам «народной демократии» было предписано сплотиться в управляемый СССР социалистический лагерь, оценки, данные Варгой происходившим в этих странах процессам, были сочтены по меньшей мере ошибочными.

В упоминавшемся труде «Изменения в экономике капитализма в итоге второй мировой войны» (1946 г.) Варга определил становление этих стран как «неизвестный до этого в истории человечества путь развития», как нечто такое, «чего ни Ленин, ни Маркс не предвидели». Варга исключал их трактовку как «диктатуру пролетариата» и констатировал существенные отличия их политического (парламентская демократия) и экономического (смешанная экономика) устройства от советской модели. В реалиях 1947 г. подобные взгляды были отнесены к опасной ереси и потому подлежали искоренению.

Варга, видимо, ощущал надвигавшуюся грозу и попытался защититься с помощью привычного «громоотвода». 8 марта 1947 г. он обращается с письмом к Сталину:

Многоуважаемый тов. Сталин!

Я работаю теперь над новой книгой: «Изменения в политике капитализма в итоге второй мировой войны». Возник следующий вопрос: Можно ли назвать общественный строй стран новой демократии (Польша, Болгария, Югославия, Чехословакия) переходной формой от капитализма к социализму? (здесь и далее подчеркнуто в оригинале. — П.Ч.).

Я гдуюа, что да!

Товарищи, ссылаясь на известные слова Ленина, что «между государственным капитализмом... и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет» (т. XXI, стр. 187), утверждают, что нет.

Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы могли найти время и дать мне указание об этом важном вопросе.

Москва, 1947, 8/III.

Ваш Е. Варга¹.

Ответа на это обращение не последовало. Зато резко усилились нападки на Варгу в печати.

«Вскоре после образования Коминформа первые удары критики были сочтены излишне «либеральными», — отмечает по этому поводу авторитетный итальянский историк и советолог Дж. Боффа, — они уступили место убийственным обвинениям, которые привели к закрытию Института мирового хозяйства и мировой политики, где Варга был директором. Претензии к экономистам касались... высказываний о природе и месте государств народной демократии: их осуждали в основном за попытки останавливаться на характеристике свое-

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 716. Л. 71.

образия развития освобожденных стран, отличавшего их от СССР, в то время как следовало подчеркивать то, что отделяет хозяйство стран Восточной Европы от экономики капиталистических стран и приближает к другой системе — социалистической, основополагающую близость их пути и пути Советского Союза. Эта полемика переросла в широкую критику, которая велась с позиций, изложенных Ждановым на учредительной конференции Коминформа»¹.

Разгромной критике подверглись и другие теоретические положения, содержащиеся в последних работах Варги и его сотрудников.

Против «буржуазного реформизма» и «безродного космополитизма»

Наряду с претензиями собственно идеологического характера, руководству ИМХМП были предъявлены обвинения по поводу «грубых ошибок» в кадровой политике: в ЦК ВКП(б) и МГБ сочли, что в Институте работает слишком много иностранцев и евреев. Институт Варги, более половины сотрудников которого действительно составляли евреи, давно имел в Агитпропе и в «органнах» репутацию гнезда «космополитов».

Еще в 1943 г. противники Варги указывали на недопустимость в условиях войны пребывания в ИМХМП немецких и венгерских политэмигрантов, которые рассматривались как потенциальная (а может быть, и действующая?) агентура противника. Тогда вмешательство Сталина прекратило эти интриги.

В 1945—1946 гг. началась новая атака против тех, кого вскоре назовут «безродными космополитами». На этот раз происки противников Варги увенчались успехом.

Свидетельствует ветеран ИМХМП д.и.н. В.И. Каплан:

«...Ко времени окончания войны заместителем директора Института был назначен Захаров, работавший до этого помощником Маленкова, который активно занялся кадрами, пытаясь изменить национальный состав Института. Он поручил В. Лану, предупредив его, что это строго секретно, составить записку о национальном составе ученых, работающих в научно-исследовательских организациях, и профессоров высших учебных заведений в США.

В Институте Захаров действовал бесцеремонно, грубо. Он снял заведующего восточным сектором доктора исторических наук, профессора Эйгуса и назначил на его место кандидата исторических наук Масленникова, не согласовав вопроса с директором Института. Е.С. Варга, рассерженный, позвонил Маленкову и сказал: «Товарищ Маленков, мне комиссар не нужен, либо я, либо Захаров». В тот же день Захаров был отозван из Института.

¹ Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев 1941 — 1964. М., 1990. С. 304.

Он знал, что Сталин недоволен последними записками, полученными им от Е.С. Варги, и написал письмо на имя Генерального секретаря. Были еще аналогичные письма. В другое время Сталин вряд ли удостоил бы подобные письма вниманием, но тогда доносы попали точно в цель. Писали, что национальный состав Института не вызывает доверия. Сталин, готовя очередное «острое блюдо» под видом кампании против «космополитизма», решил вопрос по-своему. Он сказал: «Разогнать». И Института не стало...»¹.

То, что закрытие ИМХМП было санкционировано Сталиным, подтвердил позднее на партактиве Института экономики немало этому содействовавший член Политбюро ЦК ВКП(б) Н.А. Вознесенский, один из недругов Варги².

На глазах у Варги были произведены аресты нескольких его сотрудников. В застенках МГБ оказалась, в частности, член-корреспондент АН СССР Р.С. Левина, крупнейший специалист по аграрным проблемам капиталистической экономики.

Перенесшая на Лубянке тяжелый инсульт Р.С. Левина впоследствии рассказывала Я.А. Певзнеру, что в МГБ от нее требовали признаний, будто она и арестованный в декабре 1947 г. бывший старший научный сотрудник ИМХМП, доктор экономических наук И.И. Гольдштейн (тот самый, которого в апреле 1946 г. не пустили в заграникомандировку) склоняли Е.С. Варгу к тому, чтобы формировать кадровый состав Института из евреев-сионистов³. От И.И. Гольдштейна, сотрудничавшего со времен войны с Еврейским антифашистским комитетом (ЕАК), в МГБ выбивали также показания на С.А. Лозовского, И.С. Фефера и других руководителей ЕАК⁴.

Уже после закрытия ИМХМП были арестованы его бывшие сотрудники — А.З. Зусманович и А. Бондаренко. Последним, в разгар «дела врачей» (январь 1953 г.), «взяли» В.И. Каплана, объявленного «агентом ЦРУ». МГБ отыскивало его в столице Киргизии, где он, не сумев найти работу в Москве, с 1950 г. заведовал кафедрой политэкономики Фрунзенского медицинского института⁵.

¹ Каплан В.И. Указ соч. С. 147—148.

² Певзнер Я.А. Жизнь и труды Е.С. Варги в свете современности. С. 20. Причастность Вознесенского к ликвидации ИМХМП Я.А. Певзнер подтвердил и в записанном на магнитную пленку интервью автору.

³ Запись беседы с Я.А. Певзнером 20 ноября 2001 г.

⁴ В январе 1948 г. опергруппа МГБ под общим руководством заместителя министра госбезопасности СССР С.И. Огольцова организует убийство в Минске председателя ЕАК, всемирно известного режиссера и актера С.М. Михозлса, после чего «дело» ЕАК получает дальнейшее развитие. 20 ноября 1948 г. решением Политбюро ЕАК был упразднен, а 14 его руководящих работников и активистов арестованы. Почти все они были расстреляны. Исаак Иосифович Гольдштейн — первый арестант по «делу» ЕАК — умер в лагере от сердечного приступа.

⁵ Аресту В.И. Каплана предшествовало предание его (вкупе с другими «безродными космополитами в исторической науке» — академиком И.И. Минцем, И.М. Разгоном, Е.Н. Городецким, Н.Л. Рубинштейном, О.Л. Вайнштейном, Л.И. Зубоком и др.) идеологической анафеме в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) (март 1949 г.). В опубликованном сообщении

В этой обстановке Варга имел все основания (в том числе и по пресловутому «пятому пункту») опасаться ареста, но его почему-то не трогали. По всей видимости, Сталин дал на этот счет четкие указания главе МГБ В.С. Абакумову. Более того, академик Е.С. Варга после ликвидации его Института, в атмосфере развязанной против него обличительной кампании, к всеобщему изумлению продолжал оставаться на свободе и работать, в частности, членом редколлегии журнала «Вопросы экономики», что было возможно только с благословения Сталина.

Милостиво сохранив Варге жизнь и свободу, Сталин инициировал безжалостное искоренение «ереси», содержавшейся, по его мнению, в послевоенных публикациях ИМХМП.

Обсуждение упоминавшейся книги Е.С. Варги, состоявшееся в мае 1947 г., вождь счел явно неудовлетворительным и чрезмерно либеральным. Агитпроп получил директиву продолжить разоблачение «антимарксистского» направления в советской экономической науке, представленного в работах бывшего ИМХМП. Соответствующие указания были даны директору Института экономики К.В. Островитянову, который должен был 27 января 1948 г. выступить на заседании Ученого совета с докладом «Об итогах и направлении работы Института экономики Академии наук СССР».

Накануне намеченного заседания «Правда» помещает статью И. Лаптева «По поводу одной экономической дискуссии», посвященную состоявшемуся в мае 1947 г. обсуждению книги Варги. В этой статье содержался подробный перечень «ошибок тов. Варги» и давался недвусмысленный сигнал к новой, более «принципиальной» проработке старого ученого. «Задача наших экономистов состоит в том, — поучала «Правда», — чтобы на основе ленинско-сталинского учения глубоко разрабатывать актуальные вопросы советской экономики и экономики капитализма, с большевистской партийностью разоблачать всякие чуждые марксизму-ленинизму взгляды, имеющие, к сожалению, хождение в нашей экономической науке»¹.

Островитянов воспринял этот сигнал как руководство к действию. В докладе, с которым он выступил на следующий день, директор Института экономики остановился на «грубых, антимарксистских ошибках», содержащихся в целом ряде работ бывшего ИМХМП. Некоторые из этих работ, по определению Островитянова, носят даже «вредительский» характер, являя собой «пример преклонения перед американским империализмом, замазывания раздирающих его классовых антагонистических противоречий»².

о состоявшемся в АОН заседании применительно к Каплану (Лану) говорилось: «В области новейшей истории апологетом американского империализма выступал проф. Лан, воспроизводящий в своей последней книге «США в период от первой до второй мировой войны», реакционную стряпню американской прессы. Он идеализирует государственных деятелей Америки и преподносит читателю апологетику хищнической, агрессивной политики США, проповедуя низкопоклонство перед американской политикой». (Вопросы истории, 1949, № 2. С. 151—153).

¹ Правда, 26.03.1948.

² Вопросы экономики, 1948, № 1. С. 87—91.

Докладчик не жалел обличительных слов по адресу ликвидированного Института Варги. Он, в частности, сказал: «Из анализа ошибок, которые имеются во многих работах бывшего ИМХМП, вытекает вывод, что это не случайные ошибки, допущенные отдельными авторами, а система ошибок, неправильное направление в области научно-исследовательской работы. Это направление характеризуется следующими чертами: игнорированием вопросов ленинско-сталинской теории империализма, общего кризиса капитализма, борьбы двух систем, преобладанием конкретного описания над марксистским теоретическим анализом; узким технико-экономическим подходом к освещению проблем экономики зарубежных стран; нейтралитетом в борьбе против буржуазных теорий; недооценкой значения и роли стран новой демократии; наличием аполитичности, объективизма в подходе к изучаемым проблемам; некритического отношения к буржуазным данным и преклонением перед достижениями буржуазной науки и техники.

Такое направление в научной работе, — продолжал Островитянов, — могло сложиться в Институте и долгое время определять характер его работ вследствие отсутствия критики и самокритики, крайне слабой связи с научной общественностью. Это создало атмосферу семейственности, круговой поруки, терпимого отношения к теоретическим и политическим ошибкам сотрудников Института.

Руководство Института проводило неправильную линию в деле подбора и подготовки кадров.

При подборе кадров отсутствовал политический подход, не было линии на подготовку теоретических работников, владеющих марксистско-ленинской методологией, готовили по преимуществу узких специалистов.

Вследствие неправильной линии в подборе и подготовке кадров в бывшем ИМХМП создалась вредная монополия узкого круга старых работников Института на разработку важнейших проблем современного капитализма и экономики отдельных зарубежных стран»¹.

Определяя задачи сформированного в Институте экономики из части сотрудников бывшего ИМХМП Отдела экономики капитализма, Островитянов подчеркивал: «В области экономики зарубежных стран необходимо концентрировать внимание на исследовании важнейших проблем современного империализма и общего кризиса капитализма, борьбы двух систем, на изучении американского и английского империализма, на критике и разоблачении буржуазных идеологов американских и английских империалистов и их пособников — правых социалистов, на изучении экономики стран народной демократии и путей социалистического преобразования этих стран, на изучении национально-колониальных проблем и рабочего движения»².

Травля Варги и его сотрудников велась на страницах основных партийных журналов — «Большевик», «Плановое хозяйство», «Вопросы экономики» и др. Под огонь безжалостной критики попали старые соратники Варги — академик

¹ Вопросы экономики, 1948, № 1. С. 91.

² Там же. С. 91 — 92.

И. Трахтенберг, Л. Эвентов, С. Вишнев, М. Бокшицкий, Ш. Лиф, М. Рубинштейн, Л. Ройтбурд, А. Шпирт, И. Лемин, В. Лан (Каплан), Ю. Винцер, Е. Горфинкель и др.

После появления в печати разгромных рецензий в Институте экономики под видом обсуждений устраивались «разборки» с провинившимися авторами и научными редакторами. Так поступили, например, с авторами сборника «Военное хозяйство капиталистических стран и переход к мирной экономике» (М., 1947) и его ответственным редактором академиком И.А. Трахтенбергом.

После того, как этот сборник был подвергнут резкой критике в журнале «Большевик» (№ 5, 1948), дирекция ИЭ АН СССР организовала показательное обсуждение, материалы которого были опубликованы под характерным заголовком «Против антимарксистского освещения экономики капиталистических стран»¹.

«Немарксистская концепция о решающей роли государства в военной экономике и о возможности «планирования» при капитализме; «некритический подход к данным из буржуазных источников, пресловутый «техно-экономический» анализ, буржуазный объективизм, означающий низкопоклонство перед «достижениями» капитализма, игнорирование общего кризиса капитализма, борьбы двух систем»; «чистейший реформизм», «меньшевизм» — таковы лишь некоторые из обвинений, предъявленных на обсуждении авторам сборника.

А один из обличителей (А.А. Аракелян) заявил буквально следующее: «Достоинство советского человека вообще, и советского ученого в частности, измеряется силой его патриотизма. Советский патриотизм, основанный на понимании превосходства нашего строя над капиталистическим строем, находит свое выражение в повседневной борьбе советских людей, в том числе ученых, за могущество и процветание нашей социалистической Родины. На фоне всенародного патриотического движения выход в свет книги «Военное хозяйство капиталистических стран и переход к мирной экономике» представляет собой позорное, возмутительное явление. В этой книге нет ничего патриотического. Вместо научного анализа противоречий капитализма, вместо критики пороков капиталистической экономики авторы преподнесли советскому читателю буржуазно-статистическую хронику и буржуазную идеологию. Они стали рупором, через который буржуазная идеология пытается найти распространение среди советских читателей»².

Итог обсуждению подвел К.В. Островитянов. «Еще во время дискуссии по книге академика Варга, — заявил он, — был установлен основной порок работ бывшего ИМХМП — немарксистская методология, извращение ленинско-сталинской теории империализма, отход от ленинско-сталинской теории общего кризиса капитализма, игнорирование борьбы двух систем. Совершенно не учитывался такой важнейший фактор, как возникновение стран народной демократии, вступивших на путь социалистического преобразования и противостоящих во главе с Советским Союзом лагерю империализма. Эта порочная линия

¹ Вопросы экономики, 1948, № 2. С. 107 — 116.

² Там же. С. 109.

проявилась в ряде работ, изданных бывшим ИМХМП. «Техно-экономический» подход, отсутствие партийности, объективизм и преклонение перед буржуазной наукой и техникой — таковы основные черты этого направления»¹.

В ходе разоблачения «буржуазных реформистов» из бывшего ИМХМП на вооружение была взята давняя идея Сталина об общем кризисе капитализма, выдвинутая им еще в 1930 г. на XVI съезде ВКП(б), в разгар мирового экономического кризиса². Сам Сталин к этой идее не возвращался вплоть до начала холодной войны, когда, будто по команде, партийные пропагандисты и экономисты вспомнили о ней и дружно заговорили об «общем кризисе капитализма», занявшись изучением его «этапов» и «периодов», на которые указал «вождь и учитель».

В начале 1948 г. в ИЭ АН СССР была проведена теоретическая конференция на тему «Послевоенное обострение общего кризиса капитализма». Конференция проходила в русле обновленных установок Сталина на неизбежность войн и революций, порождаемых общим кризисом капитализма и противостоянием «лагеря социализма» и «лагеря империализма».

Подводя итоги дискуссии, заместитель директора Института экономики А.И. Пашков подчеркивал: «Когда товарищ Сталин говорит, что первый кризис капиталистической системы вызвал первую мировую войну, а второй кризис капиталистической системы — вторую мировую войну, под кризисом здесь разумеется тот сплошной клубок чрезвычайно обострившихся противоречий, который привел к взрыву и мировой войне. <...> Было бы неправильно, — продолжал Пашков, — отрицать прямую связь и преемственность нынешнего этапа общего кризиса капитализма с третьим периодом общего кризиса капитализма. Нельзя также не видеть тех громадных изменений в расстановке классовых сил, которые произошли в итоге второй мировой войны. Ведь характеристика третьего периода, как периода крушения относительной, частичной стабилизации, как нового тура революций и войн — остается в силе и в настоящее время, и будет сохранять силу и впредь»³.

Очередная идеологическая экзекуция над Варгой и бывшими «имховцами» была проведена в октябре 1948 г. на расширенной сессии Ученого совета ИЭ АН СССР⁴. Открывавший заседание Островитянов, сразу же задал тон всему «обсуждению». «...Критику и борьбу за разоблачение реформистских идей, свивших себе гнездо в бывшем ИМХМП, нельзя считать законченны-

¹ Вопросы экономики, 1948, № 2. С. 115.

² «Нынешний экономический кризис, — заявил Сталин в Политическом отчете ЦК ВКП(б) XVI съезду партии, — разворачивается на базе общего кризиса капитализма, подтачивающего устои капитализма и облегчившего наступление экономического кризиса. <...> Пролетариат, — подчеркнул Сталин, — борясь с капиталистической эксплуатацией и военной опасностью, будет искать выхода в революции» (XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. 2-е стереотипное издание. М., 1931. С. 20, 23).

³ Вопросы экономики, 1948, № 6. С. 119.

⁴ Материалы этой сессии были опубликованы в № 8 и 9 журнала «Вопросы экономики» за 1948 г. под рубрикой «О недостатках и задачах научно-исследовательской работы в области экономики».

ми, — заявил он. — Тем более, что тов. Варга, возглавлявший это немарксистское направление, и некоторые его сподвижники до сих пор не заявили о признании своих ошибок и не доказали положительной работой свое стремление стать на путь исправления этих ошибок»¹.

Под мощным напором обличителей с признанием своих «ошибок» на сессии выступили академик В.С. Немчинов, Л.Я. Эвентов и С.М. Вишнев. А М.Л. Бокшицкий, давний соратник Варги, перешел даже к нападкам на своего учителя, который, по его словам, «хочет свернуть большевистскую критику и самокритику» и который «упорствует в своих ошибочных положениях, не смотря на то, что они идут вразрез с позицией нашей партии по решающим вопросам современного капитализма»².

Каждый спасал сам себя, оглядываясь на тех, кто уже был изгнан из науки, а то и вовсе сгинул на Лубянке или «мотал срок» в лагерях.

Все участники «обсуждения» с нетерпением ожидали покаяния главного обвиняемого — академика Е.С. Варги. Но он явно не спешил оправдать эти ожидания. «Не могу последовать совету признать всю критику моей работы правильной, — заявил старый упрямец. — Это означало бы, что я обманываю партию, лицемерно говоря «я согласен с критикой», хотя я с ней не согласен. <...> Я честно признаю многое из того, за что меня критиковали, но есть вещи, которые я не могу признать»³.

Далее Варга представил аргументированные возражения на большинство из предъявленных ему прегрешений, призвав своих оппонентов все спорные вопросы «спокойно обсудить в рамках марксизма». «Конечно, больно, что меня, партийца, на старости лет ругают в органах печати, — заметил он. — И еще более то, что мои ошибки используют наши враги, зло радуются. Бывший министр торговли США Гарриман даже выступил с таким глупым заявлением, что «план Маршалла» вызвал будто бы замешательство среди советских экономистов и что Варга за «план Маршалла». А на самом деле, — с горькой иронией добавил Варга, — я первым из научных работников выступил против «плана Маршалла» (Варга Е. «План Маршалла» и экономика Англии и США. Стенограмма публичной лекции, прочитанной 27 августа 1947 г. Изд-во «Правда»)⁴.

Выступление Варги лишь подлило масла в огонь. «Тов. Варга по-прежнему упорствует в отрицании своих грубых принципиальных ошибок, которые были охарактеризованы в нашей партийной печати как ошибки реформистского характера, — заявил Островитянов. — Более того: он не только не признает своих ошибок, но даже кокетничает этим непризнанием, ставит его себе в заслугу»⁵.

Затем Островитянов подверг резкой критике отстаивавшееся Варгой положение о малой вероятности в будущем войн между капиталистическими госу-

¹ Вопросы экономики, 1948, № 8, С. 71.

² Там же. № 9. С. 110 — 111.

³ Там же. С. 57.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 96.

дарствами, хорошо зная, что Сталин придерживается противоположной точки зрения на этот вопрос. «Тов. Варга считает маловероятным вооруженное столкновение в будущем между империалистическими странами, — с пафосом заявил Островитянов. — Мы не можем, конечно, предсказать те конкретные формы, которые примут в более или менее близком будущем противоречия в лагере империализма. Однако было бы грубой ошибкой недооценивать значение этих противоречий и их неизбежного обострения в связи со стремлением американского империализма к мировому господству и закабалению стран Западной Европы.

Мы должны поэтому решительно отвергнуть попытку пересмотра со стороны тов. Варга основного положения ленинско-сталинской теории империализма о неизбежности войн между империалистическими державами, вытекающей из обострения неравномерности экономического и политического развития капитализма в период империализма и общего кризиса капитализма»¹.

Заседание Ученого совета завершилось единодушным осуждением «*группки тов. Варга*», к которой были причислены и те, кто принес публичное покаяние, и те, кто поспешил отречься от учителя.

Из резолюции расширенной сессии Ученого совета ИЭ АН СССР:

«Работа в области современных проблем империализма и конкретной экономики зарубежных стран долгое время фактически являлась монополией группки работников бывшего ИМХМП, которая по-реформистски трактовала ряд коренных вопросов теории современного капитализма. Товарищи Варга, Трахтенберг, Эвентов, Бокшицкий, Лан и др. в ряде монографий и статей, изданных за последние годы, развивали немарксистскую, в духе катедер-социализма, концепцию о «решающей роли буржуазного государства в экономике», смазывали противоречия современного капитализма. Эта группка экономистов забыла марксистско-ленинское требование классового анализа буржуазной экономики, отрывала экономику от политики. Экономисты из группки тов. Варга сочиняли «техно-экономические», а по существу апологетические работы по различным разделам экономики современного капитализма. <...>

Выступление тов. Варга на настоящем заседании Ученого совета показывает, что он продолжает отстаивать свои грубо-ошибочные позиции, осужденные в партийной печати, и делает ряд новых ошибок»².

По итогам состоявшегося в Институте экономики заседания руководства агитпропа в начале декабря 1948 г. проинформировало о его результатах Г.М. Маленкова, который сменил умершего 30 августа того же года А.А. Жданова в роли главного идеолога ВКП(б). Варга, отмечалось в докладной записке, «отстаивал свои ошибочные буржуазно-реформистские позиции по важней-

¹ Вопросы экономики, 1948, № 9. С. 97.

² Там же. С. 114.

шим вопросам современного этапа империализма». Он «по-прежнему преувеличивает роль буржуазного государства». Заявил, что предоставление Индостану и Пакистану прав доминионов «делает их независимыми от Англии», а также о том, что по вопросу об «американской помощи Европе» стоит и будет стоять на прежних позициях, пока ему не докажут, что он не прав¹.

Руководство Института экономики получило из ЦК указание усилить борьбу с «неразоружившимися» буржуазными реформистами и космополитами. В конце марта 1949 г. была созвана расширенная сессия Ученого совета ИЭ АН СССР с участием актива столичных экономистов. Сессия обсудила вопрос «О борьбе с буржуазным космополитизмом в экономической науке». Одной из главных мишеней очередных нападок были избраны все те же бывшие «имховцы» во главе с Варгой.

Из опубликованного сообщения об итогах сессии Ученого совета:

«<...>Глубокой критике на сессии подверглись работы отдельных сотрудников бывшего Института мирового хозяйства и мировой политики — акад. Е. Варга, акад. И. Трахтенберга, Л. Эвентова, В. Лана, М. Бокшицкого, Л. Ройтбурда и др. Эти работы страдают ошибками космополитического характера, буржуазным объективизмом, раболепием перед иностранщиной; они замазывают противоречия американского империализма и язвы современного капитализма. <...> Сессия Ученого совета продемонстрировала единство работников советского экономического фронта, их решимость отстаивать чистоту марксистско-ленинской экономической науки от всяких покушений со стороны безродных космополитов и других проповедников буржуазной идеологии. Искоренение космополитизма, объективизма и аполитичности способствует дальнейшему подъему советской экономической науки»².

И все же, используя политический лексикон сталинских времен, Варге в 1949 г. пришлось «идейно разоружиться». При этом важно подчеркнуть, что здесь сработал не столько естественный и понятный в тех условиях инстинкт самосохранения, сколько принятые среди старых большевиков «этические нормы» поведения, диктуемые пресловутыми «интересами партии». Именно эти «нормы» (наряду с известными средствами устрашения и шантажа) побуждали Зиновьева, Бухарина и других большевистских руководителей чудовищно оговаривать себя на показательных процессах середины 30-х годов.

То же самое вынудило Варгу по крайней мере дважды выступить с публичным покаянием после того, как на Западе, где внимательно следили за травлей авторитетного экономиста-международника, стали звучать сочувственные по отношению к нему заявления и отклики. Он еще пытался защищать

¹ Цит. по: *Нагджафов Д.Г.* Сталинский Агитпроп в холодной войне // *Сталин и холодная война*. М., 1998. С. 208.

² *Вопросы экономики*, 1949, № 3. С. 116 — 117.

свои взгляды, когда подвергался все более ожесточенным нападкам со стороны «своих». Но старый революционер не мог допустить, чтобы ему сочувствовали «чужие», т.е. «классовые враги». На протяжении 1948 г. имя Варги неоднократно появлялось в материалах западных газет и журналов, звучало в радиопередачах «Голоса Америки» и Би-Би-Си, Терпение Варги иссякло, и он решил действовать.

5 марта 1949 г. Варга обратился с письменной просьбой к В.М. Молотову помочь ему в публикации в журнале «Новое время» письма, в котором он намерен выразить свое возмущение поднятой на Западе вокруг его имени шумихи. При этом Варга посетовал, что с некоторых пор его отказываются печатать в советских газетах и журналах¹.

Молотов, сам попавший в это время в опалу, — 4 марта 1949 г. он был снят с постов Заместителя Председателя Совмина СССР и главы МИД, — переадресовал письмо Варги «тт. Маленкову и Суслову», которые сочли, что «отповедей» Варги его западным доброхотам прозвучит как нельзя кстати.

15 марта 1949 г. «Правда» поместила «Письмо в редакцию», подписанное Е.С. Варгой:

«Органы черной реакции, радио и журналы поджигателей войны в последнее время распространяют всякую клевету обо мне: я, дескать, «человек западной ориентации», «защитник» плана Маршалла, отрицаю возможность кризиса перепроизводства в США и другие подобные выдумки. <...> Я хочу самым решительным образом протестовать против темных намерений поджигателей войны, что я будто бы являюсь человеком «западной ориентации». Сегодня, в данной исторической обстановке, это означало бы быть контрреволюционером, антисоветским предателем рабочего класса. Я прошу редакцию поместить это письмо, чтобы у рабочих и вообще у честных людей за границей под влиянием клеветнической пропаганды врагов рабочего класса, поджигателей новой войны, не создалось никаких сомнений о моей позиции»².

Едва Варга успел «откреститься» от «западной ориентации», как на него обрушилась новая неприятность. Почти с месячным опозданием (это было обычным делом в сталинские времена³) в Москву поступил номер лондонской

¹ Это и другие письма Варги, адресованные Молотову, находятся в личном фонде Молотова в бывшем Центральном партийном архиве. См.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1443. Л. 14.

² Правда, 15.03.1949.

³ Даже в брежневские времена иностранные газеты и журналы поступали в т.н. «спецхраны» Москвы с двухнедельной задержкой. Это объяснялось не столько дальностью расстояний и трудностями доставки, сколько работой советской цензуры (Главлита), предварительно изучавшей каждый газетный и журнальный номер, помечаемый шестигранным штампом («гайкой»). Нередко советская цензура изымала те или иные опубликованные в иностранной прессе материалы, если считала их «идеологически вредными» даже для узкого круга «допущенных» читателей. К числу последних всегда принадлежал и академик Е.С. Варга.

«Таймс» за 16 февраля с редакционной статьей под более чем красноречивым заголовком «Мистер Сталин и мистер Варга».

Из редакционной статьи «Таймс», 16 февраля 1949 г.:

«Спор, который может иметь важные последствия для советской внешней политики, все еще бушует среди русских экономистов. Он начался более года тому назад, и, конечно, ему не было бы позволено продолжаться столь долго или столь открыто, если бы Кремль был готов сформулировать твердое решение. Двигутся ли неуклонно западные страны к своей катастрофе или нет? Таков вопрос.

Ортодоксальные профессора-ленинцы страшно разгневаны на академик Евгения Варгу за то, что тот рискнул заявлять в своих лекциях и статьях то, что расходится с их предвзятыми взглядами относительно неизбежности катастрофы на Западе.

Господин Варга является наиболее выдающимся и талантливым экономистом в восточном лагере, и то, что он сказал, было вполне эрудированно и осторожно. Он высказал предположение, что в течение ряда лет кризис в Соединенных Штатах — этой «цитадели капитализма» — может не наступить. Он указал, что даже капиталистическая Америка разработала систему контроля, которая способна удержать наступление кризиса или уменьшить его последствия. Он напомнил русской аудитории, что в других западных странах, особенно в Великобритании, государство во все возрастающей мере принимает на себя контроль над экономикой.

По вопросу о возможностях столкновений или войн среди «капиталистических наций» он снова сделал осторожное предупреждение ортодоксальным ленинцам. Не слишком восхваляя усилия западных стран, направленные к свободному сотрудничеству, он вместе с тем подверг сомнению возможность войны между ними ввиду огромной мощи, сосредоточенной в руках Соединенных Штатов, которая сама по себе является стабилизирующим фактором. <...>

В ходе кампании травли в «Большевике» и «Вопросах экономики» господина Варгу обвиняют в том, что он заявил, будто капиталистические страны могут проложить себе путь к социальному и экономическому спасению через реформы, но не обязательно через марксистскую революцию. Его обвиняют в отходе от тезиса ленинцев, что положение рабочих в капиталистическом государстве должно стать хуже, и в полном отрицании неизбежности войн и столкновений между западными странами.

Что особенно интересно и многозначительно, так это то, что он (Варга — П.Ч.) все еще в состоянии свободно выступать в свою собственную защиту. <...>

Несомненно, Кремль имеет несколько причин к тому, чтобы держать этот вопрос открытым. Прежде всего, господин Варга своим заявлением, что западные государства — даже как они изображаются в искаженном

советском зеркале — не полностью погружены во мрак и не поступают безрассудно, дает теоретическое оправдание для дружественных отношений между Советским Союзом и Западом в послевоенный период; и Кремль, может быть, не против наличия такого оправдания — даже сделанного из-за угла — на случай, если международные отношения улучшатся. Во-вторых, этот спор, возможно, отражает собственные дилеммы и сомнения Кремля перед лицом Запада. Каждый урок русской истории и коммунистическое учение предусматривают, что Москва, может быть, готова пойти на определенные временные, тактические и частичные соглашения с Западом, коль скоро она будет убеждена в стабильности Запада. Хотя советская пропаганда игнорирует высказывания господина Варги и прокламирует упадок Запада в своей обычной старой манере, изобилующей угрожающими оттенками, имеется свидетельство того, что Кремль пристально следит не только за движением среди западных наций к взаимной поддержке, но также и за быстрой “реформистской” эволюцией общества, особенно в Британии»¹.

Когда Варга ознакомился с этой статьей, он подготовил тщательно продуманный ответ, адресованный редакции «Таймс», и обратился с соответствующей просьбой все к тому же Молотову (он все еще оставался членом Политбюро), прежде всегда благоволившему к нему. К Сталину, после нескольких неудачных попыток, Варга обращаться уже не решался.

Е.С. Варга — В.М. Молотову, 29 апреля 1949 г.:²

Многоуважаемый товарищ Молотов!

Очень извиняюсь, что я опять Вас беспокою. Я написал письмо в «Таймс» в ответ на их статью. Думаю, что его опубликование было бы полезно. Товарищи из Совинформбюро говорят, что они сами не имеют теперь права его отправить.

Поэтому очень прошу Вас посмотреть письмо и, если Вы одобрите, дать указание, чтобы Совинформбюро сделало английский перевод и отправило его в Лондон (предварительно показав мне перевод).

Если Вы считаете нужным, можно последний вопрос (о невероятности внутри империалистической войны в недалеком будущем) вычеркнуть (подчеркнуто в оригинале. — П.Ч.).

С ком. приветом

*Ваш
Акагемик*

Е. Варга³.

¹ The Times, 16.02.1949

² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1443. Л. 17.

³ В приложенном письме в редакцию «Таймс» (Там же. Л. 18–23) этот вопрос сформулирован Варгой следующим образом: «Я, несмотря на имеющиеся противоречия, сомне-

Как Молотов отнесся к новой инициативе Варги, неизвестно. На адресованном ему письме, как и на письме Варги в редакцию «Таймс», нет никаких его резолюций и пометок. Во всяком случае, «Таймс» не опубликовала ответ академика Варги, если он даже и был получен в Лондоне.

Зато в 3-м номере журнала «Вопросы экономики» за 1949 г., почти одновременно с письмом в «Правду», появилась долгожданная (для партийной верхушки) подробная «исповедь» Варги, полное признание им своих ошибок. И на этот раз Варга предварительно направил ее первый вариант Молотову, который счел *«полезным»* ее публикацию, но все же запросил «согласия» у Сталина. Копии покаянной статьи Варги Молотов разослал также другим членам Политбюро и секретарям ЦК — Берии, Маленкову, Микояну, Кагановичу, Булганину, Косыгину и Суслову. Лишь после ее одобрения статья Варги «Против реформистского направления в работах по империализму» в срочном порядке была опубликована в «Вопросах экономики»¹.

Признав правильной «суровую критику» своих мнимых ошибок, Варга заявил, что **«эти ошибки составляют целую цепь ошибок реформистского направления»** (здесь и далее выделено по оригиналу. — П.Ч.), которые в сумме означают определенный отход от ленинско-сталинской оценки современного империализма». «Само собой разумеется, — продолжал Варга, — что ошибки реформистского направления означают и ошибки **космополитического** направления, потому что они приукрашивают капитализм. <...> **Продолжительная затяжка с признанием выявленных критикой ошибок с моей стороны, несомненно, нанесла ущерб**, заставила наших экономистов вернуться к вопросам, которые давно и правильно разрешены марксизмом-ленинизмом. Но еще хуже то, что это дало поджигателям войны в лагере империализма возможность распространить ложь, что я являюсь человеком «западной ориентации», что означало бы быть контрреволюционером, предателем рабочего класса»².

По всей видимости, обвинения в «западной ориентации», «контрреволюционности» и «предательстве рабочего класса» были для старого марксиста-ленинца совершенно невыносимыми. Для того чтобы отвести их от себя, он готов был пожертвовать всем — даже собственными научными выводами.

Можно предположить, что Сталин был вполне удовлетворен поведением Варги и дал указание своим опричникам от идеологии оставить старика в покое.

И в это самое время, когда Варга только что принес публичное покаяние, он, совершенно некстати, получает из Нью-Йорка предложение от Генерального секретаря ООН Трюгве Ли войти в создаваемую Секретариатом ООН группу экспертов по изучению проблем занятости. Безусловно, данное предложение свидетельствовало о высоком авторитете Е.С. Варги в международном сообществе экономистов. Но в обстановке разгоравшейся

ваюсь в вероятности новой империалистической войны в ближайшее время». (Там же. Л. 23). Именно эту фразу Варга и готов был снять, если бы у Молотова возникли возражения.

¹ См.: *Наджафов Д.Г.* Указ. соч. С. 208.

² Вопросы экономики, 1949, № 3. С. 79 — 88.

ся холодной войны, после интенсивной идеологической проработки, которой он подвергся, получение такого предложения от «прислужника американского империализма», каковым подавала Трюве Ли советская пропаганда, было чревато для Варги самыми серьезными последствиями. Еще вчера он совершенно искренне убеждал всех, что никогда не был «человеком западной ориентации»...

Сразу же по получении письма от Генерального секретаря ООН Варга проинформировал об этом нового министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинского, своего давнего недруга.

Вышинский «вышел с этим вопросом» на Политбюро, высказав, разумеется, свое резко отрицательное мнение о возможном участии академика Варги в работе Экспертной группы ООН. Предварительно Вышинский предложил Варге составить проект ответного письма Трюве Ли с отказом под благовидным предлогом (например, «преклонный возраст и состояние здоровья») от сделанного ему предложения.

19 октября 1949 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос «Об ответе академика Варги Е.С. Трюве Ли» и приняло по нему следующее решение:

«Согласиться с предложением МИД СССР о нецелесообразности включения академика Варги Е.С. в группу экспертов по изучению проблемы занятости, создаваемую Секретариатом ООН. Утвердить проект ответа т. Варги г-ну Трюве Ли. (См. приложение.)»¹.

К сожалению, указанное приложение, т.е. проект письма Е.С. Варги, в Протоколе заседания Политбюро не фигурирует.

С 1948 г. Варга, как много пишущий ученый, фактически замолчал, хотя и продолжал работать «в стол». Он внимательно следил за тенденциями развития мировой экономики и событиями международной жизни, но не откликался на них, как прежде. Если в 1946 г. он опубликовал 14 серьезных работ, а в 1947-м — 18, то в 1948-м — только одну короткую заметку «Пшеница и политика» («Новое время», № 17. С. 11—14). В 1949 г. он дважды выступает в печати, причем оба раза, — либо с отповедью «поджигателям войны», либо с признанием своих ошибок. В 1950 г. Варга публикует три статьи, а в 1951-м и 1952-м — по одной статье в «Правде».

Разгром научного направления, представленного «школой Варги» из Института мирового хозяйства и мировой политики, нанес тяжелый удар по всей советской экономической науке.

Признаки охватившего ее кризиса со всей отчетливостью обозначились в 1948—1949 гг., когда группа экономистов, философов и историков (более 20 человек) по заданию Сталина приступила к написанию нового учебника политэкономии. Давая это поручение, Сталин особо подчеркнул необходимость «учесть особенности экономики стран новой демокра-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1078. Л. 76.

тии»¹. Сталинское поручение было оформлено в виде Постановления ЦК ВКП(б) от 17 апреля 1947 г. «Об издании Краткого курса политической экономии». Судя по всему, учебник должен был выйти в свет к 70-летию Сталина.

Однако страх, сковавший творческую мысль после показательной проработки Варги и его сподвижников, был настолько силен, что в течение двух лет со времени получения задания вождя «доверенные» экономисты во главе с Н.А. Вознесенским², К.В. Островитяновым и Л.А. Леонтьевым так и не смогли справиться с поставленной задачей³. В личном фонде И.В. Сталина в РГАСПИ сохранилась обширная переписка по этому вопросу, относящаяся к 1947—1951 гг.

Уже в декабре 1949 г. руководители авторского коллектива вынуждены были признать, что перед ними возникли серьезные трудности. Буквально за несколько дней до юбилея вождя Л.А. Леонтьев докладывал Сталину:

«Опыт коллективной правки учебника большой группой экономистов, историков и философов не дал положительных результатов: единство стиля нарушено, прежнее изложение заменено в ряде мест наспех составленным и неряшливым текстом. В числе измененных формулировок имеется, например, глубоко продуманное определение предмета политической экономии, написанное Вами⁴. <...> Возникает также вопрос: не слишком ли велик объем учебника? Можно было бы либо разбить учебник на две

¹ Приписка И.В. Сталина на записке, поданной ему 10 апреля 1947 г. А.А. Ждановым, Н.А. Вознесенским и Л.А. Леонтьевым о макете учебника политэкономии. (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1226. Л. 18).

² Что касается «экономиста № 1», Председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского, то 27 октября 1949 г. он был арестован по т.н. «ленинградскому делу», а 1 октября 1950 г. — расстрелян вместе со своими подельниками — А.А. Кузнецовым, П.С. Попковым, М.И. Родионовым и др.

³ К участию в написании и редактировании учебника не были допущены ни Е.С. Варга, ни И.А. Трахтенберг, ни В.С. Немчинов, ни другие авторитетные экономисты, утратившие доверие Сталина.

⁴ Л.А. Леонтьев имел в виду сталинское определение предмета политической экономии, данное им в беседе с группой экономистов еще в 1941 г. Сравнивая разные определения предмета политэкономии, предложенные в свое время Марксом, Энгельсом и Богдановым, которого поддержал Ленин, Сталин тогда сказал: «...Я предлагаю дать другое определение политической экономии, примерно такое: *политическая экономия есть наука о развитии общественного производства, т.е. экономических отношений людей. Она выясняет законы, управляющие производством и распределением необходимых предметов как личного, так и производственного потребления* (курсив мой. — П.Ч.). Это определение правильное, оно более понятно, доступно. Оно подчеркивает, что в политической экономии идет речь о формах собственности, об отношениях собственности, ибо в производственно-экономические отношения входят прежде всего отношения собственности. <...>. (Запись беседы И.В. Сталина с экономистами 19 января 1941 г., сделанная Г.Ф. Александровым // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1226. Л. 1).

части, либо подумать о сокращении, — например, за счет экскурсов в историю экономических учений.

Пользуюсь случаем, чтобы принести Вам самые горячие поздравления ко дню рождения и пожелание крепкого здоровья на многие годы»¹.

Не такого поздравления к юбилею ожидал вождь от своих доверенных экономистов, по существу проваливших порученное им задание...

«Экономические проблемы социализма в СССР»

Тем не менее, надежда на «коллективный разум» все еще не оставляла Сталина. В конце 1951 г. по его указанию в ЦК ВКП(б) было создано Всесоюзное совещание экономистов, в котором приняли участие более 400 научных работников и преподавателей политэкономии из разных вузов СССР. В течение четырех месяцев шли дебаты по основным положениям будущего учебника политэкономии. По большей части выступавшие состязались друг с другом в знании трудов «основоположников» и в бесконечном цитировании сталинских произведений и докладов. Продолжались нападки и на «буржуазный реформизм», который вкупе с «безродным космополитизмом», как утверждалось, «свил себе гнездо» в советской экономической науке.

Результаты четырехмесячной дискуссии глубоко разочаровали ее организаторов, в частности назначенного после смерти Жданова главным идеологом Г.М. Маленкова, считавшегося, после устранения Н.А. Вознесенского, преемником дряхлевшего вождя. Совещание еще было в самом разгаре, когда Маленков в записке Сталину от 6 декабря 1951 г. с неудовлетворением отмечал:

«Участники дискуссии резко критикуют положение дел в области экономической науки, отмечают, что экономическая наука у нас отстает; мало издается серьезных теоретических работ в области советской и зарубежной экономики.

В экономической науке фактически отсутствуют свободные дискуссии, критика не только не поощряется, но и подавляется. Существует нетерпимая монополия отдельных лиц, препятствующих творческому обсуждению научных вопросов и росту молодых научных кадров.

Тов. Островитянов, как директор Института экономики, не обеспечивает руководство»².

Сталин пометил карандашом на полях записки Маленкова последнюю фразу. Вскоре К.В. Островитянов будет освобожден с поста директора Института. После смерти вождя он восстановит свои, пошатнувшиеся было пози-

¹ Письмо от 15 декабря 1949 г. // Там же. Л. 29.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1248. Л. 2.

ции. В 1953 году он будет избран действительным членом АН СССР и в том же году станет вице-президентом Академии наук.

Итоги совещания экономистов были подведены в двух документах: «Предложения по улучшению проекта учебника политической экономии» и «Справка о спорных вопросах, выявившихся в ходе дискуссии по проекту учебника политической экономии».

Из последнего документа Сталин мог узнать, что раскритикованный и, казалось бы, «разоружившийся» академик Варга выступил на совещании с развернутым обоснованием своей идеи о невозможности межимпериалистических войн в современную эпоху.

«Академик Варга Е.С., — отмечалось в «Справке», — выступил на секции по вопросам капитализма с утверждением, что тезис о неизбежности внутриимпериалистических войн уже устарел, что такие войны возможны лишь абстрактно-теоретически, а конкретно-практически невозможны. Он объяснил это тем, что:

а) противоречия между лагерем социализма и лагерем капитализма в настоящее время сильнее, чем внутриимпериалистические противоречия;

б) в лагере империализма США имеют подавляющее превосходство над всеми капиталистическими странами и не нуждаются в войне, чтобы подчинить их себе. С другой стороны, США достаточно сильны, чтобы помешать войне между европейскими империалистами;

в) опыт первой и второй мировых войн научил руководство империалистических государств, что внутриимпериалистическая война имеет очень плохое последствие для империалистов».

«Правильны ли сегодня еще ленинский тезис о неизбежности внутриимпериалистических войн за новый передел мира?» — спрашивает т. Варга и отвечает: «Я думаю, что тезис о неизбежности внутриимпериалистических войн устарел»¹.

Сталин был крайне недоволен итогами совещания экономистов. Это недовольство найдет свое отражение не только в отстранении К.В. Островитянова от руководства Институтом экономики. По итогам состоявшейся дискуссии было принято постановление ЦК ВКП(б) «О положении в экономической науке», подготовленное Г.М. Маленковым, М.А. Сусловым и Ю.А. Ждановым (сыном покойного А.А. Жданова), заведующим Отделом науки ЦК и одновременно зятем вождя. В постановлении совершенно справедливо констатировался застой в экономической науке, но истинные причины сложившегося кризисного положения, конечно же, не могли быть названы, так как они были порождены самой тоталитарной политической системой — сталинским режимом.

¹ Этот документ, хранящийся в Архиве РАН, впервые ввел в научный оборот Я.А. Певзнер. Цит. по: Певзнер Я. Жизнь и труды Е.С. Варги в свете современности. С. 30 — 31.

Разуверившись в «коллективном разуме» советской экономической науки, семидесятидвухлетний вождь решил высказать собственное суждение по всему кругу вопросов, обсуждавшихся на совещании экономистов.

Осенью 1952 г. Сталин публикует брошюру «Экономические проблемы социализма в СССР». Этой последней работе вождя, сразу же объявленной выдающимся вкладом в творческое развитие марксизма¹, суждено было стать, по крайней мере до середины 80-х годов неукоснительной директивой для советской экономической науки, что имело для нее самые пагубные последствия.

Не имея здесь возможности подробно останавливаться на характеристике этого сталинского произведения, отмечу лишь несколько моментов, имеющих прямое отношение к нашей теме. Речь идет о полемике Сталина с некоторыми оценками тенденций и перспектив развития послевоенного капитализма, которые излагались в трудах и выступлениях Варги, в частности, на упоминавшемся экономическом совещании.

Вот как прокомментировал Сталин высказанную Варгой точку зрения о невозможности войн между капиталистическими державами:

«Некоторые товарищи утверждают, что, в силу развития новых международных условий после второй мировой войны, войны между капиталистическими странами перестали быть неизбежными. Они считают, что противоречия между лагерем социализма и лагерем капитализма сильнее, чем противоречия между капиталистическими странами, что Соединенные Штаты Америки достаточно подчинили себе другие капиталистические страны для того, чтобы не дать им воевать между собой и ослаблять друг друга, что передовые люди капитализма достаточно научены опытом двух мировых войн, нанесших серьезный ущерб всему капиталистическому миру, чтобы позволить себе вновь втянуть капиталистические страны в войну между собой, — что ввиду всего этого войны между капиталистическими странами перестали быть неизбежными.

Эти товарищи ошибаются. Они видят внешние явления, мелькающие на поверхности, но не видят тех глубинных сил, которые хотя и действуют пока незаметно, но все же будут определять ход событий. <...> Неизбежность войн между капиталистическими странами остается в силе»².

Категоричность Сталина в этом вопросе вытекала из старого ленинского догмата о неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран, что неизбежно толкает их к военному разрешению возникающих между ними острых противоречий. Марксист Сталин, в отличие от марксиста Варги, не смог осмыслить тех глубоких изменений

¹ См. например: Югин П.Ф. Труд И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» — основа дальнейшего развития общественных наук. М., 1953.

² Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 32 — 33, 35.

в развитии мирового капитализма, которые произошли в результате Второй мировой войны. Для Сталина капитализм остался неизменным, как неизменны межимпериалистические противоречия и борьба за раздел мира между победителями в последней войне (США, Англия, Франция) и побежденными (Германия и Япония). Сталин категорично отвергал способность послевоенного капитализма к переменам и поступательному развитию, предрекая ему безостановочное загнивание, обнищание и финальную катастрофу.

Хотя Варга никогда и не утверждал, что послевоенный капитализм будет развиваться ускоренными темпами, Сталин на всякий случай решил застолбить свое директивное мнение и по этому вопросу.

Из работы И.В. Сталина «Экономические проблемы капитализма»:

«Наиболее важным экономическим результатом второй мировой войны и ее хозяйственных последствий нужно считать распад единого всеохватывающего мирового рынка. Это обстоятельство определило дальнейшее углубление общего кризиса мировой капиталистической системы. <...>

В связи с таким положением перед экономистами встали два вопроса:

а) Можно ли утверждать, что известный тезис Сталина об относительной стабильности рынков в период общего кризиса капитализма, высказанный до второй мировой войны, все еще остается в силе?

б) Можно ли утверждать, что известный тезис Ленина, высказанный им весной 1916 года, о том, что, несмотря на загнивание капитализма, «в целом капитализм растет неизмеримо быстрее, чем прежде», все еще остается в силе?

Я думаю, что нельзя этого утверждать. Ввиду новых условий, возникших в связи со второй мировой войной, оба тезиса нужно считать утратившими силу»¹.

В другом месте Сталин, говоря о перспективах экономического развития США, Англии и Франции, столь же категорично заявил: «...Рост производства в этих странах будет происходить на суженной базе, ибо объем производства в этих странах будет сокращаться»².

В своей последней работе Сталин расставил все точки над *i* и в вопросе об общем кризисе капитализма, «обогадив» новыми мыслями собственный же тезис, выдвинутый еще в 1931 г.

Из работы И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР»:

«Общий кризис мировой капиталистической системы начался в период первой мировой войны, особенно в результате отпадения Совет-

¹ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 30, 32.

² Там же. С. 56.

ского Союза от капиталистической системы. Это был первый этап общего кризиса. В период второй мировой войны развернулся второй этап общего кризиса, особенно после отпадения от капиталистической системы народно-демократических стран в Европе и в Азии. Первый кризис в период первой мировой войны и второй кризис в период второй мировой войны нужно рассматривать не как отдельные, оторванные друг от друга самостоятельные кризисы, а как этапы развития общего кризиса мировой капиталистической системы.

Является ли общий кризис мирового капитализма только политическим или только экономическим кризисом? Ни то, ни другое. Он является общим, т.е. всесторонним кризисом мировой системы капитализма, охватывающим как экономику, так и политику. При этом понятно, что в основе его лежит все более усиливающееся разложение мировой экономической системы капитализма, с одной стороны, и растущая экономическая мощь отпавших от капитализма стран — СССР, Китая и других народно-демократических стран, с другой стороны»¹.

Сталинская (после 1956 г. она была переименована в ленинскую) теория общего кризиса капитализма составила одну из основ советской экономической и исторической науки, определив магистральное направление исследований в области мировой экономики и мировой политики почти до самого крушения коммунистического режима в Советском Союзе и в странах «развитого социализма». После XX съезда КПСС идеологические рамки научных поисков были несколько расширены, но заданный Сталиным стратегический курс на изучение общего кризиса капитализма оставался неизменным. После 1956 г. станет возможным пересмотреть лишь некоторые из наиболее одиозных положений «сталинско-ленинской» теории загнивания капитализма.

¹ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 57.